

История религий. Лекция 18

Мезоамерика

Мацих: Пантеон богов коренных жителей Америки вобрал в себя всю печать самого чудовищного варварства, которое у азиатских и европейских народов, видимо, тоже когда-то было, но очень давно уже отмерло. И самым красноречивым свидетельством этого чудовищного архаизма являются, конечно, человеческие жертвоприношения, которые все, без исключения, эти народы практиковали. Это у них было общим местом.

Почему они считали, что боги требуют человеческих жертв, крови, ливера, мяса? Сердце живое вынуть и принести в жертву богам? Почему они своих богов рисовали столь кровожадными? С развитием науки стало понятно, что через эту стадию, по-видимому, все народы проходили, и человеческие жертвоприношения есть вещь неизбежная. Все когда-то их приносили. Но это было очень давно. По мере взросления цивилизации от этого отказались. В Европе и в Азии отказались тысячи лет назад, и это получило религиозную легитимацию и обоснование – категорический запрет на человеческие жертвы. И бог, божества, духи стали мыслиться как существа, которым человеческие жертвы не нужны. Это колоссальный шаг вперед. Если идея бога вообще возникает, то понятно, что богу никакая жертва не нужна, она нужна человеку для

самодисциплины. Или нужна церкви, в смысле clergy, как организации. Богу ничего не надо. И уж тем более богу не нужны жертвы человеческие! Это, конечно, колоссальный примитивизм.

Почему эта вера так крепко и непоколебимо держалась в умах и сердцах жителей доколумбовой Америки? Вот вопрос, на который теперь уже очень сложно получить ответ, потому что цивилизация сокрушена. Люди остались, они не вымерли, но они абсолютно одичали, еще даже хуже того уровня, на котором их застали испанские завоеватели. Вот такая перед нами любопытная картина складывается.

Европейцы не знали о существовании этой цивилизации, абсолютно. Они плыли в Индию, отсюда и название – индейцы, такое странное. Они были искренне убеждены, Колумб так написал в отчете, что это Индия. Он ее там открыл. И он был убежден, что это жители Индии. Настоящих индийцев он не видел, читал только о них, и допускал, что они могут быть такие краснокожие. Первые индейцы, которых он увидел – жители нынешнего острова Гаити и Кубы, - были дружелюбные и симпатичные существа. Такие бесхитростные - охотники, рыбаки. Вот как в рассказе - помните, я вам давал, Стивенсона «Остров голосов»? Не без того чтобы людоедство практиковать, но так, по-дружески, без всякого личного предубеждения. И

потом, когда Кортес – выдающийся человек, один из величайших людей в истории человечества - приплыл со своей экспедицией в Центральную Америку, он искал богатств.

Фернáндо Кортес Монрóй Писáрро Альтамира́но

Он слышал, что где-то есть страна Эльдорадо – «Золотая страна», и полагал, что там дороги вымощены золотом, дворцы из золотых плит... Все эти мифы, которые рассказывали друг другу моряки, все эти байки из международного фольклора. Но эту страну искали! И искали вплоть до XVIII века. И пока еще была плохо исследована Южная Америка, то один, то другой регион объявляли новым Эльдорадо. Толпы авантюристов туда

сбегались. Последней такой страной была Калифорния. Стало понятно, что там четыре золотоносных ручья, никаких золотых плит там нет, и народ успокоился. Стало понятно, что это миф, такой же, как острова Блаженных¹, как острова Бессмертия, остров Утопия² и многие другие вещи, которые люди себе нафантазировали, но в действительности их нет. Но для Кортеса это было реальностью. Он высадился на берег, и представьте себе ситуацию: у него четыре корабля, он не знает, кто ему противостоит, какими людьми населено это побережье, кто тут живет, сколько их, чего они хотят, какая система власти у них, но он твердо убежден, что он всех победит. Вот интересный парень. Самое любопытное, что все именно так и оказалось. Ему противостояла сила, и если бы он знал с самого начала, сколько их, может быть, он и дрогнул бы. Хотя, зная Кортеса, а мы его знаем хорошо, я думаю, он не дрогнул бы и не отступил все равно. Это

¹ **Острова блаженных**, или **Блаженные острова** ([греч.](#) Νήσοι των Μακάρων, Μακάρων Νήσοι) - [мифическая](#) область, сакральная заморская страна где-то на краю света или даже в ином мире. Один из символов [рая](#) в мифологии различных народов.

² Произведение [Томаса Мора](#) — «*Золотая книжечка, столь же полезная, сколь и забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия*». **Утопия** ([др.-греч.](#) τόπος - «место», ου-τόπος - «не место», «место, которого нет») — жанр художественной [литературы](#), близкий к [научной фантастике](#), описывающий модель идеального, с точки зрения автора, общества. В отличие от [антиутопии](#), характеризуется верой автора в безупречность [модели](#)

были люди, сделанные из железа. Все его спутники были из испанской провинции, которая называется Extremadura - «особо твердая, очень твердая». Так называется их земля, такой каменной твердости, которую очень сложно обрабатывать. И жители, которые на ней живут, это бойцы из бойцов. Они составляли славу испанской армии, которая тогда была непобедимой и самой славной в мире. Вот он набрал себе в команду именно таких моряков и солдат, ну и соответствующих священников с ярким фанатизмом в глазах. Все они искали денег, золота, богатства, безусловно. Никакого научного интереса, исследовательского, у них не было. Они хотели принести славу себе и деньги испанской короне, ибо они были пламенными патриотами испанского короля, и... ну, церкви, наверное, поскольку они были ревностными католиками. Разумеется, местных людей людьми они не считали и относились к ним как к джунглям, которые надо вырубить для того, чтобы пройти. Такой махровый колонизаторский подход.

Они увидели перед собой множество племен и потрясший их абсолютно обряд жертвоприношений, который совершался каждое утро и каждый вечер. Количество людей, которых волокли на жертвенник, было столь огромно, что они не верили своим глазам! Они никогда о таком не слышали и не читали.

Ему как-то объяснили, что всем правит некий народ, живущий очень далеко отсюда, от побережья, и этот народ так велел. Что сделал умница Кортес? Он узнал, какие народы больше всего страдают от того далекого и неведомого народа-колонизатора, который ввел такую кровавую практику. Узнал и пошел к ним. Вступив в переговоры с помощью умницы-священника, который на слух ловил этот невероятный индейский язык, он начал как-то объясняться. И после этого ему неслыханно повезло, как везет тем, кто бесконечно верит в свои силы. В качестве подарка – а ему дарили там золото, попугаев, перья, – ему подарили несколько девушек. Ну, дело житейское. Подарили в таком... функциональном варианте. Во-первых, солдаты и моряки давно плыли и... соскучились по художницам. Им было очень важно подискутировать о живописи. А во-вторых, это был такой порядок - в качестве, так сказать, подарка одно племя другому дарило девственниц. И Кортес выбрал. Разбирался он в людях. Как-то по выражению лица, я не знаю, он понял, какая из них самая умная. Она оказалась настолько умной, насколько можно было себе вообразить. Вы знаете эту историю?

Ее как-то звали по-индейски... Утренняя Роза на Иглах Кактуса, что-то такое. Он ее прозвал Марина – морская. А поскольку в языке нахуатль - это не ругательство, это

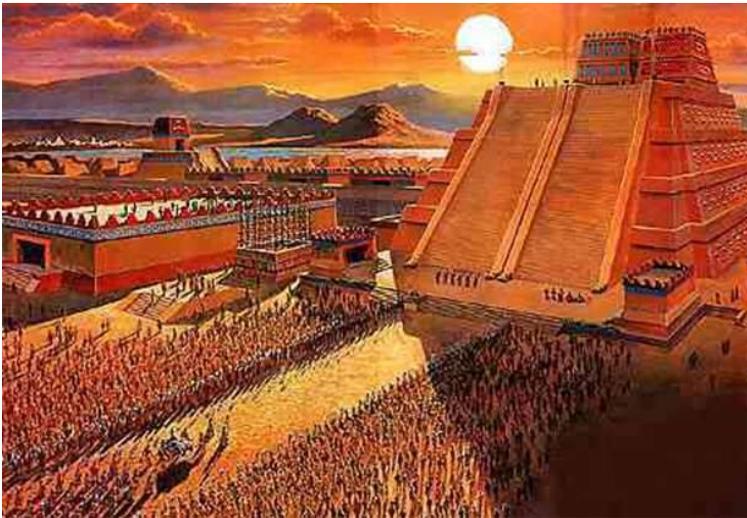
название языка, - в языке нахуатль, на котором говорило большинство тамошнего населения, нет звука «р», ну нет, как у нас нет в русском звука [θ], а в английском есть, например, они называли ее Малина. И они не знали, как обращаться к Кортесу, кто он такой, и они называли его Малинче, то есть обладатель Марины, такой «Мариновладелец». Эта девица сыграла громадную роль в деле завоевания Кортесом Америки. Она выучила испанский язык. Это фантастика. Он же для нее был не менее дикий, чем для них индейский, но у нее была иная позиция – это был язык ее господина. Кортес относился к ней, надо отдать ему должное, как истинный джентльмен. Он ее никогда не бил, в отличие от остальных, которые своих наложниц третировали как животных, даже не как рабынь, а хуже. Буквально как животных. Ну, вы же понимаете, солдаты и матросы из провинции Эстремадура, какого обращения с дамами вы ожидаете? А Кортес – нет. Может быть, он ее любил искренне, это возможно. Хотя люди, которые знали Кортеса, говорили, что он не делал искренне ничего в своей жизни. Единственное, что он делал от души, это убивал. Все остальное было с расчетом. Но, может быть, в этом был расчет. И она относилась к нему в высшей степени хорошо. Она была царица. Испанские идальго вставали при ее появлении. И попробуй не встань, если там был Кортес, а

парень был крутой. И она все свое умение и, видимо, гениальность лингвистическую, поставила ему на пользу. Она говорила по-испански почти свободно. Она выучилась читать и писать! И она переводила ему с нескольких индейских языков, которые она знала, и еще выучила один. Но это для нее было проще, они же родственные языки. Вот благодаря ей он и узнал всю диспозицию. Вот роль женщины! Роль женщины в мировой истории. Тогда он составил себе представление о ситуации, что есть конфедерация племен, которые ацтеки разбили, обложили данью. И самая тяжелая дань - это та, которая накладывается во время так называемой «войны цветов». Чудовищное изобретение ацтекской знати, когда, если ты думаешь, что силен, то можешь выходить на настоящую войну, а если нет, то просто выставляешь пленников. Но если ты даже выходишь на битву, то ацтекская армия, как заведомо более сильная, не убивает твоих воинов, а берет их в плен. Доблестью считается не убить противника, а взять его в плен живым. И чем больше пленников, тем лучше. Зачем их берут в плен? Для того чтобы приносить их потом, на гигантских этих каменных ступенях, в жертву кровожадным ацтекским богам.

Естественно, этот обычай вызывал живейшее отвращение у всех индейцев.

Вы помните фильм Мела Гибсона «Апокалипсис»³? Это очень хорошо показано. Народ вообще понятия не имел о том, как оно, а тут вот набег... Ну и вы помните рожи этих воинов. Кстати, снято очень хорошо. Обряд жертвоприношения показан с великолепной скрупулезностью - так все и было. Там не названы по имени ни майя, ни ацтеки, но и майя, и ацтеки в эпоху своего колониального могущества действовали именно так. Ну, что тут еще скажешь?

³ «Апокалипсис» ([англ. Apocalypto](#) от [греч. ἀποκαλύπτω](#) - открывать, обнаруживать, разоблачать) - фильм [Мела Гибсона](#), вышедший в [2006 году](#).

Кортес заключил договор с самым могущественным племенем. Они называли себя народ Тласкала. Их было очень много, в общей сложности, до полумиллиона человек. Они могли выставить армию где-то в десять тысяч. У Кортеса, чтоб вам не показалось мало, вся боевая сила, которую он мог двинуть, была двести человек. Что такое было для него десять тысяч?

Студенка: На конях?

Мацих: Да! У него было где-то порядка сорока коней. Ну, с учетом умственного горизонта индейцев, конь казался им чудовищным животным. А всадник на коне – воплощением худших сил ада. Они этого не видели никогда. Всадник на коне нагонял на них суеверный ужас. И, несмотря на то, что они взяли в плен одного коня, убив всадника, они разрубили этого коня на несколько частей и, чтобы убить страх, послали части этой конской туши по разным округам, все равно до последнего дня, когда была предрешена судьба цивилизации, индейцы боялись коней до смерти. Такой народ трудно назвать продвинутым.

Было огнестрельное оружие. Но это же не современная скорострельная артиллерия. Ну, стреляли пушки, не без того. Но что такое тогдашняя пушка и мортира, вот эти аркебузы и мушкеты? Ну да, она стреляет, конечно, индейцы разбегаются, потому что они не понимают природы этого явления. Конечно же, она не может

промахнуться, скольких-то она убьет, но потом ее надо чистить, заряжать... Это у самых умелых солдат, если у них руки не дрожат, а дрожат, потому что те же стреляют, и прорываются с озверелым видом, но в самых лучших условиях – это 5-6 минут зарядить заново. Это какая скорострельность? Не надо преувеличивать мощь той артиллерии, которая была у них. Но все это вместе, плюс несокрушимый дух, железные доспехи и железная душа... Как сказал Кортес, обращаясь к своим солдатам: «Крест, меч, железные доспехи и железная душа». Был мастер обращения. «Вот, что обеспечит нам победу, братья!».

Сказали люди из Тласкалы, что город, который ищет Кортес, называется Теночтитлан и находится в глубине, но надо идти через джунгли. И он бестрепетно пошел, не боясь засад, не боясь ловушек, не боясь климата, болезней. Это была одна из самых героических в истории человечества экспедиций. Вся советская историография чернила Кортеса самыми мерзкими красками и демонизировала, потому что это ж колониционный захват. Но на самом деле какого масштаба человек перед нами предстает! Это абсолютнейший военный гений. Разве его можно назвать авантюристом? Это был человек, для которого не было недостижимого. И он со ста пятьюдесятью человеками покорил империю в пять миллионов человек! Чья армия, реально противостоящая

Кортесу, составляла двести тысяч. Назовите мне пример еще одного такого воина. Двести тысяч! И он со ста пятьюдесятью человеками их покорил. Это одуреть! Эта история, если б ее кто-то сочинил, была бы признана самым мыльным из всех сериалов. Но это факт. Это действительность, перед которой меркнут любые выдумки.

Они дошли до города Теночтитлан. Впереди них шла молва. Они разбили в стычках несколько ацтекских отрядов, огромных! По тысяче, две, три тысячи человек. Рассеивали, убивали их сотнями. И впереди него шла слава. И, что самое ужасное для ацтекского государства, впереди шла легенда. Об этом сам Кортес не знал, а если бы он знал, то был бы еще более наглый. О том, что это не человек идет, а идет бог, наш любимец, Кетцалькоатль⁴ – «Пернатый Змей».

⁴ **Кетцалькоатль** (Кецалькоатль, Кетсалькоатль, [ацт.](#) *Quetzalcōātl* — «пернатый змей»; [[kɛtsaɪ̯'ko.a:tɬ](#)], [исп.](#) *Quetzalcóatl*) - на языке науатль - имя божества древней Америки, один из главных богов [ацтекского пантеона](#) и пантеонов других цивилизаций [Центральной Америки](#). [Кецаль](#) (кетсаль, кетцаль, квезал) — небольшая птица с ярко-изумрудным оперением, которое высоко ценилось в традиционных культурах Америки. Кетцаль — древний символ свободолюбия: эта птица не живёт в неволе.

Кетцалькóатль (аст. Quetzalcōātl—«пернатый змей»

И что Кортес - это не человек, а это сам воплощенный змей Кетцалькоатль. Значит, пришли последние времена – бог Кетцалькоатль пришел требовать свою долю у других богов. Эта легенда сыграла роковую роль в судьбе ацтекской цивилизации, безусловно. Поскольку в нее поверил и сам их правитель Монтесума, и многие из простых воинов, и из вельмож.

Сам Кортес, узнав об этом потом, постфактум, подумал – боже мой, что бы он мог еще сделать, если бы ему кто-то об этой легенде рассказал! Но это была ацтекская легенда. Его Малина, которой он был Малинча, она не знала об этом. Но он был потрясен, с каким восторгом его встретили. Он сказал своему священнику-умнице:

«Наверное, они кланяются испанской короне». На что священник сказал ему: «Сын мой, вы полагаете, они слышали о Его Величестве Короле?». Какой испанской короне они могли кланяться? Но его встретили даже не как царя, а как бога. Он тоже не мог этого не замечать.

Впереди шел Монтесума. Он был явно одет как царь и держался, как царь.

Монтесума II или Монтесума Шокойоцин

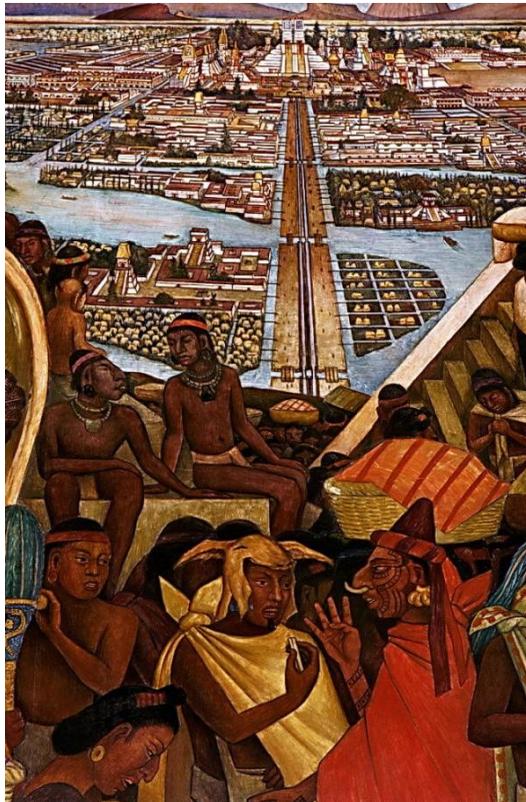
Он не шел по земле – перед ним расстилали золотоканную пряжу, его несли на носилках, причем несли

не рабы, а вельможи. Это было видно по их одежде и по их огромным плюмажам из разноцветных перьев. Это была как корона в Европе – такой статусный знак для ацтекской цивилизации. И вот такой человек поклонился ему в пояс! Преподнес золотой, явно царский, скипетр, драгоценные камни и иные знаки уважения. Поклонился в пояс. То есть Кортесу сразу стало понятно, что признают его первенство. Они обменялись речами. Марине нельзя было переводить, потому что женщина не допускалась пред очи царя. Переводил священник, и плохо. То есть что думал Монтесума, мы никогда не узнаем. А Кортес написал мемуары и рассказывал речистым всяким летописцам. Поэтому мы помним, что он думал. Он был удивлен.

Первое чувство, которое он испытал, было удивление, которое, как он пишет, потом сменилось изумлением. Они вышли на окраину города, а город был огромным озером. Вот там, где сейчас стоит Мехико-Сити. Бывали? Это же кратер, вулканический кратер. Теперь его осушили, а тогда это было озеро огромное, на котором, на системе островов, частично естественных, частично искусственных, соединенных между собой мостами, располагался огромный город Теночтитлан.

Около миллиона человек там жило. Гигантский. Таких городов он не видел, да он особо-то ничего и не видел, Кортес. Он до этого один раз был в Мадриде. Все, что он видел, это сельскую Испанию. Этот город его и его спутников абсолютно потряс. Ничего похожего, конечно, они в джунглях не видали. Они видели маленькие хижины, бедных, диких явно, людей. Здесь же, во-первых, невероятная даже для европейского города чистота на улицах. Ацтеки очень за этим следили. Огромное

количество цветов и великолепные ароматы, отсутствие вони – главного спутника европейского города без канализации. Вид людей, которые счастливо улыбались. Богатство рынков. Единственное, что удивило их, что там так мало продается мясного. А негде было взять. Все мясо, которое они ели, было добыто охотой, а охотой же много не добудешь. В основном это были плоды, кукуруза, которую они тоже видели впервые, фасоль, помидоры, все, что их потрясло, перец разный, шоколад, который вспенивали у них на глазах – такой вот пенный напиток. И он тогда впервые это попробовал. Он боялся, что это яд, Монтесума выпил первым, во дворце. Они ходили невозбранно по городу и с ними ходила ацтекская стража. На них тоже дивились, но не как на варваров, не как на «белых обезьян», а именно как на посланцев богов. Но они это принимали как должное.

Царский дворец потряс их абсолютно - роскошью, великолепием, огромностью. Но более всего их потрясли храмы, которые назывались теокалли. Это были огромные ступенчатые сооружения высотой 50–60 метров, которые не под прямым углом, а косо подымались к небесам. Огромное количество ступеней, и все ступени залиты кровью. Чистота города контрастировала с этим могильником, с этой трупяней. В центре города - вонь и мухи, собаки, которые жрали трупы, и их никто не отгонял.

Они не могли понять, что это такое. Но потом они сопоставили с жертвами, которые видели раньше, и поняли, какой народ имеется в виду.

Некоторые жертвоприношения они видели, и это произвело на них сильнейшее впечатление. Они видели пленников, которых откармливают в специальных клетках, потом дают им опьяняющий напиток из кактуса, они танцуют, опьяненные этим, и потом их поднимают вверх. Жрецы в черном, с нестриженными отроду волосами, поднимают их вверх, и там совершается специальный обряд.

До того как приносят в жертву мужчину, приносили в жертву и женщин, причем женщин часто из своей же ацтекской знати.

Эти женщины, в отличие от пленников, с самого начала знали о своей участи. Они шли на это добровольно. Те девушки и дамы, которые должны были быть принесены в жертву богам, их предупреждали. Их выбирали по конкурсу специальному. И, скажем, десять лучших, которые выходили в финал, участвовали в последней церемонии. А приносили в жертву только пять. Но кого именно выберут жрецы, вот этого не знали барышни до конца. Они тренировались в специальных танцах, очень хитрых и сложных, напоминающих индийские ритуальные танцы. Они учились носить специальные костюмы весом

до 10 килограмм – это были всякие самоцветы, украшения, огромные плюмажи. Важно было ими как-то ритуально покачивать, это очень сложная штука. Это искусство сейчас потихонечку возрождается в Мексике любителями старины. И есть девицы, которые умеют так танцевать. Но это сложная штукавина, потому что очень сложная координация: бедра в одном ритме, плечи в другом, голова в третьем, и вот эти огромные перья, украшенные золотом, они все колышутся... Наверное, это зрелище впечатляющее, особенно если учесть, что предстоит красавицам через часок-другой.

На мой вопрос мексиканскому гиду: выбирали тех, кто хуже танцевал, или тех, кто лучше танцевал? – нет, критерий был иной. Жрецы как-то узнавали, спрашивали богов, бросали раковины гадательные – и выбирали. В момент последнего танца, а это всегда было на рассвете, народ стоял всю ночь, жег костры у пирамиды и наблюдал, как эти женщины танцевали. Любопытный народ, да? Я бы хотел подчеркнуть, что было для народного увеселения. Под конец всем барышням подносили напиток, где тоже, скорее всего, были какие-то наркотические вещества, до которых мексиканский народ большой охотник, и сознание их, видимо, затуманивалось. То есть в этот момент они уже понимали, что раз дело приближается к рассвету, то жизнь половины из них оборвется. Значит,

видимо, это их как-то примиряло с действительностью. И среди них начинали тусоваться жрецы с большими, длинными такими, обсидиановыми саблями, кинжалами. Обсидиан – это черный вулканический материал. Вы, наверное, видели его. Он встречается, в основном, в Центральной Америке, но не только. Это каменная вулканическая порода. Обработки железа, конечно, ацтеки не знали. Никакого металла они не умели обрабатывать. Их оружием были деревянные топоры, молотки или стрелы с обсидиановым наконечником. Но обсидиан - это же камень, застывшая лава, и если сколоть, получается острейший край, как стекло. И раны, им нанесенные, очень опасны. Длинный такой обсидиановый тесак, он может срезать голову не хуже, чем железная сабля, но только надо этим искусством владеть. Жрецы это знали. Задача жреца была срезать жертве голову одним ударом, на ходу. Задача жертвы была в тот момент, когда он начал резать, но что-то не пошло - дрогнула рука, навесу это довольно тяжело, это трудная работа, - надо не сопротивляться, не отпрыгивать, потому что тем самым ты только усложнишь ему задачу, а спокойно стоять и ждать, пока он закончит. Это выдержка ацтекской женщины. Вот такие дела.

И вот они меланхолически танцуют, пока жрец подходит, скажем, к одной, ко второй - они не знают,

когда наступает чей черед. Потом он обнажает этот свой тесак и «фьють»... срезает одной из них голову.

Студентка: Они продолжают танцевать?

Мацих: Продолжают танцевать до последнего, пока верховный жрец не объявляет конец церемонии. То есть дисциплина и выдержка на высоте. Но, с другой стороны, если мы этот обряд проанализируем, конечно, здесь есть нечто красивое, да? Безусловно. Я имею в виду чисто эстетически: плюмажи, восходящее солнце, этот выхватывает, кровь брызжет... Очень красиво. Черный обсидиановый нож. Все это замечательно. Женская красота в тот момент, когда отделяется голова от туловища, особенно ярко блещет... Но это какая-то не вполне понятная нам эстетика. Такое вожделение к жестокости было очень присуще Центральноамериканской цивилизации. Не просто убить, а убить с изумительным, утонченным и, несомненно, извращенным эстетизмом. Вот кто бы их любил – это, конечно, маркиз [Де Сад]. Но он мало знал. Тогда все это еще не переводилось почти. А воспоминания эти стали известны уже после его смерти в XIX веке. Он, конечно, отдал бы должное – вот, люди умели жить. Это как раз в его духе, такие вот вещи. Это даже не эстетизация смерти по-японски, а именно такое извращенное вожделение и какая-то зверская кровожадность. Я думаю, что, может, ягуары или

леопарды, если бы могли мыслить, то они бы таким образом, улыбаясь и облизывая кровавые клыки, смотрели бы на жертву. То есть это не человеческий, а звериный взгляд на вещи. Вот, я так понимаю, сообщество крокодилов, ягуаров, акул, леопардов могло бы, почесываясь плавниками и лапами, говорить: «Вот, это неплохо. Девятый номер, конечно, отстают... Да, отстают. И общий ритм... А вот жрец хорош, хорош. Его следует поощрить и на будущую церемонию назначить». Что-то такое в этом есть. Недаром их любимым животным был ягуар – самая мощная кошка в Америке. Огромный зверь, совершенно кровожадный.

Расскажу вам еще один случай...

Студентка: Подождите, а что с другими женщинами делали?

Мацих: Ну, любили их, что с ними делали. Что делают с девушками, когда уже им не отрезают голову? Любят.

Студентка: После этого они на все уже согласны, что живы остались.

Мацих: Нет, они дорого продавались, их честь. Их не за то любили. В них не видели, как это сказать, привычный объект мужского вожделения. То есть они не интересовали, как женщины. Да нет, на это были другие. Ритуальной проституции у них не было. То есть весь их

религиозный пыл удовлетворялся исключительно кровожадно. Но зато в этом они удержу не знали.

Вот изумительная история, которую я нигде не прочел, мне рассказал мой чудесный гид. Я когда приехал в Мексику, все понты, что там все говорят по-английски, рассеялись за первые полчаса – ни хрена там никто не говорит ни на каком английском. Я потом нашел, благодаря гиду, но единицы, конечно. И если бы не он, то я бы очень многого не видел. Замечательный мужик, мы очень подружились. Вот я вам рассказывал, если вы помните, про Нуэстра Сеньора де Гваделупе и мексиканскую процессию. Помните, в первых лекциях? Это благодаря ему я и узнал об этом, и попал туда. Чудесный мужик. И он возил меня к пирамидам и рассказывал очень много. Очень повезло мне с этим. Он мне рассказал историю, когда мы ехали...

Студентка: Он кто был по национальности?

Мацих: Мексиканец. Я думаю, как всякий мексиканец, как подавляющее большинство, скажем, мексиканцев – это были очень-очень смешанные крови. Я потом увидел, когда он меня повез в кабак, самый лучший, в который не туристы, а свои ходят. И вот там хозяин – дон Альваро, вот он был, видимо, из испанцев: здоровенный, высокий, нос такой, который поколениями отращивается, и не брюнет совершенно. Вот это, видимо, из той испанской когорты,

которая упорно не смешивалась с местными. Но большинство, конечно, смешивалось. И все черты, там, скошенный лоб, рост, все видно, все дивные черты индейского народа. Но этот был такой умный, добродушный, симпатичный, он, кстати, говорил по-английски, жил в Штатах 6 лет. Он мне рассказывает историю, причем без осуждения, безоценочно. Я когда говорю, то видно же стеб в моих словах. Ну, «белая обезьяна»... А он – нет. Он рассказывает историю, как ацтеки попали на этот остров. Они пришли откуда-то с севера – дикий, воинственный народ. Как всякий дикий и воинственный, захватывает территорию других, более цивилизованных, но более изнеженных. Но это классическая история всех мировых завоеваний. Им сказали, что нужно поселиться на острове, а на острове было полно змей. По их преданиям, нужно было поселиться на острове, где на кактусе будет сидеть орел, а в когтях держать змею – это герб Мексики. Так они и выбрали. Змей было дофига. Они их через месяц всех съели. Вообще, ацтеки ели все, включая вшей, на себе же собранных. И вообще, не было живого существа, которое бы они не ели, в том числе и людей – каннибализм тоже процветал. И не обязательно ритуальный, а просто так, как-то разнообразить меню. Тем более что мяса было мало, а недостаток белка надо восполнять.

Так вот, эти ацтеки враждовали с соседними племенами. И как-то они предложили одному из племен заключить мир. Ну что такое мир? Династический брак. Они сказали: «Вот у нас парень – сын вождя, у вас девка – дочка. И давайте их поженим». Ну, те подумали и сказали: «Конечно». Привезли дочь. По всем обычаям, дочь идет, естественно, в дом мужа. Приехала делегация. Их встретили, как полагается. Свадебный пир, все. А потом говорят: «Вы понимаете, у нас есть обычай старый, ацтекский, наш, что невеста должна зайти и принести жертву нашим богам. Она же будет здесь жить. Вы не подумайте ничего дурного. С ней войдет, правда, и жених, но войдут и жрецы – люди безупречной репутации. Вы ничего плохого не подумайте, никакого ущерба ее чести не будет». Что, кстати, оказалось чистой правдой, как явствует из дальнейшего. «Но она должна принести жертву нашим богам. Вы не возражаете?» – «Нет, раз такой обычай» – «Она через какое-то время выйдет».

И вот, все сидят, угощаются, пьют кактусовые напитки, едят, точат балясы, разговаривают, а там, в капище богов, происходит некоторое действие, которое они не видят. И через какое-то время, через часок примерно, появляется жених этой барышни, и он пляшет перед богами, а в качестве облачения на нем – кожа его невесты.

Студентка: Кошмар!

Мацих: Я ожидал такой реакции. Но это реакция европейского человека. А вот нам, ацтекам, это по фигуре.

Студентка: То есть свадьба не удалась? На ком же тогда жениться?

Мацих: А уже нет смысла. Это жертва богам. Это же брак был, как бы, в их понимании. Да, на меня тоже эта история сначала... Ну теперь я уже много раз ее пересказывал, я теперь слежу за эффектом.

Студентка: А то племя нормально отреагировало?

Мацих: А никто их не спрашивал. Их вырезали потом до последнего человека, через какое-то время. Но они, видимо, поняли намек. Да, это была тоже жертва богам, ритуальный жест. Интересна фигура жениха в этом смысле. Какие психологические переживания! Что бы он написал по этому поводу для нас – европейцев, для дикарей? Что он чувствовал в тот момент, когда еще мокрую, не выделанную, шкуру невесты одевал на себя? Это любопытно. Интересно, он помогал, ассистировал непосредственно при снятии кожи – это ж сложный процесс? Это любопытно.

Студентка: Ее убивали, а потом кожу снимали?

Мацих: Я думаю, не обязательно, можно было и с живой. Ну, она могла громче кричать, но только до определенного момента. Да, может быть, чтоб кожа не

сворачивалась, не резали сразу. Я не знаю, откуда начинали. Но это сложная штукавина. Вот такая вещь.

Я задал, конечно, дурацкий вопрос «белой обезьяны»: «Не жалко ли девки?». Ну, пожалел я девок, дал слабину, на что он даже руль бросил, посмотрел на меня – он-то считал меня нормальным человеком, умным, а тут такую хрень, надо же! – и сказал: «Ну, причем тут девка? Речь идет о судьбах цивилизации!» Это великолепно! Ну конечно, ну причем тут девка. Вот такое дело. Я не хочу сказать, что другим цивилизациям было жалко девок, но, согласитесь, таких вещей не делал никто. Это только наши братья-ацтеки.

Студентка: Кто-нибудь объясняет, почему такая кровожадность вообще была?

Мацих: Мы только констатируем факт. Если вы помните, я в начале сказал: мы не знаем, отчего у народов разные цивилизационные представления, разные культурные матрицы. Почему в Индии считали, что боги добродушны, вегетарианцы и вообще даже и животного не могли резать, коровку там какую-нибудь, а исключительно корми их рисовой кашей на молоке, как малых детишек или пациентов желудочно-кишечного санатория ЦК. А вот в ацтекском обиходе боги представлялись зловнейшими кровожадными чудовищами, которым только живую, горячую кровь и

непосредственно сердце, вырванное из груди, или печень только что вырезанную. Почему так? Вот у них были такие представления. Что могло им дать пищу для них и почему эти представления так долго держались, не знает наука. Но факт.

Испанцы не видели эпизода с девкой, но они видели жертвоприношения. Это произвело на них мрачное впечатление.

Священник сказал, что он отлучит от церкви всех – всех! – рискуя остаться там один. Но они его послушали. И он требует, чтобы на месте храма была поставлена часовня! Кортес сказал Монтесуме, я просто расскажу вам коротенький эпизод, и потом с удовольствием подискутируем. Эта история потрясающая, конечно. Она не может оставить равнодушным. Монтесума построил часовню! Вышел туда к моменту жертвоприношения. Кортес отслужил там молебен. Но индейцы не понимали, что происходит, они не видели там осквернения. И когда Кортес зашел в эту кумирню, внутрь храма, куда десятками лет сваливались обезглавленные и разрезанные тела, можете себе представить, какая была вонь в этом каменном мешке, в этом могильнике, он сказал, что чуть не потерял сознание. Уж он-то видел, слава богу, мертвецов на своем веку. Но даже на него это произвело впечатление, и он сказал: «Однозначно, это демоны! Я

понял, ваши боги – это демоны!» Это перевели Монтесума. Монтесума сказал: «Наши боги не демоны, это вы бросьте. Тогда какие ваши боги? Кстати, вы во время обедни что делаете? Вы разве не едите тело и не пьете кровь вашего бога на причастии? А мы же ничего такого не делаем. Это наши боги пьют кровь людей. Это, согласитесь, гораздо нормальнее, чем то, что делаете вы. Поэтому вам ли нас упрекать?» И в разгар теологической дискуссии Кортес сказал: «А хрен ли нам спорить, когда у меня тут 20 человек с оружием, а у Монтесумы всего каких-то 70 охранников». Ну, 20 испанцев против 70 индейцев – это ничего, то есть работы им было ровно на 5 минут. Они моментально с ними разобрались и взяли Монтесуму в плен в его собственной стране, в его собственном дворце! Потом Монтесума был вынужден, под угрозой лишения жизни, выдать им сокровища, вышел к собственному народу, но жрецы понимали так, что Монтесуму подменили. Я не знаю, верили ли они в это. Помните, какая фигура жреца в фильме Гибсона? Когда солнечное затмение, и он смеется там, ухмыляясь тупости толпы, и говорит: «Бог насытился жертвами». Может быть, они и манипулировали общественным мнением, но, во всяком случае, он был объявлен подмененным. Сказали, что настоящий Монтесума вознесся к богам, а это тот, кого злобные пришельцы привезли с собой. Его надо убить. И

его убили - его собственные подданные забросали его дротиками и камнями. Вот такая история. Но после этого испанцам пришлось прорываться через все эти мосты, через поднятые мосты и дамбы, в ужасную дождливую ночь – «ночь печали», как они это называли. Они прорвались, потеряв множество народу и, самое главное, утопив в этом озере сокровища Монтесумы – огромные средства, как Кортес описывал. Может, им показалось так? Потому что у наживы, как и у страха, глаза велики. Но они говорили, что там было совершенно фантастическое богатство – в золоте, в драгоценностях, в слитках. В основном они все это утопили. Но прорвались. Пошли назад, захватили в плен какое-то количество людей – индейцев. Рассказали, что Монтесума мертв, ничего другого не рассказали. То есть сокрушено владычество народа ацтеков.

Марина очень постаралась в этом смысле, всем рассказала о том, что бог Кетцалькоатль, в общем, Кортес, убил Монтесуму. И, как только узнали о смерти царя Монтесумы, перешла на сторону Кортеса половина племен, которые с ацтеками враждовали, и прежде всего сами тласкаланцы. Они вышли на бой с ацтеками. Ацтеков было гигантское количество. Может быть, испанцы и преувеличивают, и их было не двести тысяч, а сто. Ну, хорошо, сто тысяч против ста пятидесяти. К этому моменту

Кортес потерял много лошадей, а их же негде было взять. Там родились у него, по-моему, пара жеребят. Он их там холил и лелеял. Лошадей, как и людей, из ниоткуда не возьмешь. Но лошади... Он же понимал их «моральную силу».

Я расскажу, какой была битва. Мне кажется, и облик, и уровень ацтеков будет вам вполне понятен. Ацтекские воины воевали только одним способом: они нападали лавой, рубили рога обсидиановыми топорами, кололи копьями и стреляли из луков. Вот и все. Это единственный маневр, который они знали. На одном из симпозиумов, на котором я присутствовал, один кадр – француз, из нынешних либералов, этих полусумасшедших яйцеголовых, сказал, что ацтекская армия была сильна. «Разве бы легионы Цезаря или фаланга Александра Македонского устояли против артиллерии?» Во-первых, я думаю, устояли бы. Это, конечно, мои домыслы, но я уверен – устояли бы. Не бежали бы трусливо, обмазываясь собственным дерьмом, как ацтекские непобедимые воины. Во-вторых, им было известно, что такое кавалерия, и они бы не испугались при виде коня. А, кроме того, и солдаты Александра, и легионеры Цезаря, конечно, поняли бы, какой маневр применяет противник, и, безусловно, бы нашли противоядие. Безусловно! Даже простые воины, не говоря про военачальников. А вот здесь

смотрите, как продолжалась битва, которая длилась 4 часа.

Испанцы стреляют из всех видов огнестрельного оружия, индейцы падают снопами, но цепь разомкнуть у них ума не хватает. То есть они шли, как идут, вот такими сомкнутыми колоннами. Это хорошо при битве копьями. Но тут ты разве не понимаешь, что эта хреновина, когда попадает, то она убивает всех, кто стоит кучно? Рассредоточиться можно было или тут нужен гениальный полководческий талант? Видимо, для ацтеков это была непредставимая полководческая мудрость – дать команду разойтись.

Второй момент. Испанцы применяют один и тот же прием: всадники колоннами вклиниваются в ряды ацтеков и рубят их налево и направо. Это тоже верх полководческого искусства. Ну как вы думаете, можно с ними справиться? А потом они отходят назад, перестраиваются и делают то же самое, только чуть-чуть сместившись. После какого раза можно понять, что нужно делать, чтобы защититься, если у тебя в руках копья? Значит, индейцы точно так же повторяли... Я не знаю, что это за люди! Вот удивительно мне. Они не могли додуматься до того, чтобы как-то перестроиться и сменить тот стереотип ведения военных действий, который был затвержен. Никто из военачальников не сказал и никто из

офицеров не взял на себя инициативу, и воины простые так же и гибли. Погибло их неслыханное количество. Сам Кортес вместе со своим верным другом, который потом спас ему жизнь, Фернандо де Орлеа, прорвались навверх вдвоем. Вдвоем! Мечами и копьями проложив себе дорогу через тысячную толпу, убив всех индейцев, которых они видели вокруг, и прорвались к палатке предводителя. Убили его! И его гвардия и стража тоже ничего не смогли сделать. После чего они отрубили ему голову, водрузили на пику и в заботливо припасенный горн Кортес затрубил изо всей силы. Это перекрыло даже шум битвы. Народ оглянулся и увидел окровавленную голову предводителя на копье Кортеса – это был сигнал к полному и повальному бегству всех индейцев. Вот так бесславно огромная империя, трехсоттысячная армия закончила свое существование. Потом Кортес сделал еще один марш на Теночтитлан. Он приволок – по суше! – с собой корабли, бригантины. Часть кораблей он построил прямо там! А вы говорите, эти люди были не герои. Для них не было невозможного. И спустил их на воду озера Теночтитлан. Эти корабли сыграли роль тяжелой артиллерии. Пришлось тяжело во время одной из ночных вылазок. Индейцы – мешики⁵, как они себя называли, – отсюда и Мехико –

⁵ Сами ацтеки называли себя «мешика», или «теночка» и «тлательтолька» — в зависимости от города происхождения ([Теночтитлан](#), [Тлательтолько](#)). Что

Мешико, чуть не захватили в плен самого Кортеса. Если бы они его хотели убить, то не было бы ничего проще, но они хотели взять живым в плен, и это позволило ему уйти. Они его уже стащили баграми с лошади и оглушили. Он уже не мог сопротивляться, но Фернандо де Орлеа – верный друг, которому потом Кортес поставил памятник, нашел его вдову и содержал до конца дней, вот здесь ему благородство не изменило, – Орлеа, понимая, чем это чревато для него, соскочил с коня, изрубил штук 60 индейцев, поднял Кортеса, который был без сознания, положил на своего коня и дал коню пинка, а сам остался без коня прикрывать отход и погиб. Вот такие это были люди. Кортес доскакал туда, его привели в чувство. Первое, что он сказал, это то, что он повесит всех трусов. Потому что были люди, которые собирались отступить. И повесил десять своих солдат на глазах у индейцев, давая понять, что мы не отступим. Через два дня Теночтитлан пал. Внук Монтесумы – сын его умер еще до этого, от оспы, – а внук героически сопротивлялся и был захвачен испанцами в плен. Потом они его жутко пытали и пытались выведать, где казна Монтесумы, но он не сказал, как

касается происхождения слова «мешика» ([ацт. *mexica*](#), от которого, собственно, и происходит слово «Мексика»), то высказываются весьма различные версии его этимологии: слово «Солнце» в языке науатль, имя вождя ацтеков [Мешитли](#) (Мекситли, [Мекштли](#)), тип водоросли, произрастающей в озере [Тескоко](#).

тамплиер, потому что он не знал. Они осушили озеро! Обыскали каждый уголок, но нашли только относительно небольшой клад на 100 тысяч монет, но это было мало, им грезились миллионы. Может быть, их и не было, им казалось так в эту «ночь печали». Во всяком случае сказочных богатств Монтесумы не нашли до сих пор. Время от времени предпринимаются попытки искать. Было ли это или это миф, вроде Эльдорадо, непонятно. Кортес писал, что было, надо продолжать искать. Но нигде не нашли.

Вот так ацтекская держава закончила свое существование. Мы потом чуть позже скажем, похожие же были ситуации с державой инков – там были еще более фантастические ситуации, просто невероятные. И, в общем, вы жалеете о том, что ацтекская цивилизация закончилась?

Студентка: Нет.

Мацх: Мне сложно их пожалеть. С одной стороны, как это, так brutally саморазвивающаяся цивилизация рухнула от внешнего толчка? Что-то в этом есть. С другой стороны, в целом, народы Центральной Америки выиграли от прекращения массовых жертвоприношений? Я думаю, да. То есть испанское владычество не было сахаром, многих обратили в рабство, в том числе самих ацтеков всех поголовно. И те племена, которые их

поддерживали. Свободным осталось только племя теночитланцев. Этих – да, потому что они были союзниками. Они стали надсмотрщиками над рабами. Да, индейцев ожидало рабство, но рабство испанское, по сравнению с ацтекским, мне кажется... И христианская религия, при всех ее странностях, она никогда не требовала... Какой бы ни был суровый католицизм, тот – средневековый, – ну, могли сжечь, и местных жрецов, и колдунов, ну до десятка человек, на костре инквизиции. Но это разве можно сравнить с жертвоприношениями? Самое малое – это было 30 человек за один раз! Так они встречали рассвет. Романтический ритуал встречи рассвета. Солнце не взойдет, если не напьется новой крови, и 30 молодых и сильных должны быть зарезаны, каждый день. Это где же напасешься населения? Если верить ацтекским летописям, во время грандиозных жертвоприношений богу войны, богу дождя и владеющему небесами созвездию Плеяд приносились в жертву до трех тысяч человек одновременно. Ну это, что ни говорите, явный перебор, даже с точки зрения вашей либеральной позиции равенства культур. Любая цивилизация будет лучше, чем эта. Любая! Безусловно. Ничего похожего по дикой кровожадности, по абсолютному человеческому озверению мир не знал. Поэтому, не оправдывая некоторых эксцессов, которые

допускали конкистадоры, пролития, может быть, зряшной индейской крови, надо сказать, что они, конечно, принесли этим людям освобождение, безусловно. Иначе бы там их истребили всех, до последнего человека. Ибо ацтеки были настроены именно так.

Любопытная штука, как у ацтеков проходили спортивные соревнования. У них был вид спорта, при котором две команды мужиков, по 10 человек в каждой, на специальной такой площадке из утрамбованного песка, это был пол... Юноши эти локтями и коленями, на которые они надевали такую штуку из каучука, вроде налокотников и наколенников, только локтями и коленями можно было, как в футболе только ногами, подбрасывать тяжелый резиновый мяч из литого каучука – он не должен был опускаться. И надо было его забросить в... типа кольца такого – не как баскетбольное, а примерно на высоте, скажем, такой [показывает]. Тяжелая задача. Вот это нужно было сделать. Кто мяч туда загонял, в кольцо противника, тот побеждал. Но это длилось несколько часов, пока хоть один раз это удавалось сделать, настолько было тяжело. Победителю вручали награду, всей команде победителей. А как поступали с побежденными? Ну, догадайтесь с двух раз.

Студентка: Секир-башка.

Мацих: Ну, вы мыслите, как сказать, по-азиатски прямолинейно. Конечно, их волокни на жертвенник, а там... Мы сейчас увидим, как это происходило.

Студентка: А можно пока вопрос задать? Вы говорили про ритуал этот ужасный, в котором жених натянул кожу невесты...

Мацих: Я не говорил, что он ужасный, я описывал его с завистью.

Студентка: А можно ли доверять словам вашего гида, учитывая, что в таком случае у них непонятно откуда дети берутся?

Мацих: Дети берутся оттуда же, откуда у всех.

Студентка: Но все-таки это был традиционный ритуал бракосочетания?

Мацих: Конечно, нет. Это не было ритуалом бракосочетания вовсе. И если вы это так поняли, то, конечно, это не так. Это не было ритуалом бракосочетания никогда, ни при каких обстоятельствах. Это было...

Студентка: Примирение?

Мацих: Наоборот – объявление войны! Демонстративный акт, показывающий враждебному племени, что вы всерьез думаете с нами помириться? С нами мир возможен только одним путем.

Студентка: То есть это хитрость такая?

Мацих: Ну, такая хитрость... Цивилизационный момент.
А девку тут не жалко.

Студентка: Скажите, а века какие?

Мацих: Ну, Кортес впервые вошел в Теночтитлан в ноябре 1519 года.

Студентка: Нашей эры?

Мацих: Да! 1518 года. И через год Теночтитлан пал полностью. То есть к 519 году вся цивилизация существование прекратила как таковая. А сколько веков было до этого? Это чрезвычайно тяжело ответить. Мы очень мало знаем об их хронологии, как и о хронологии майя, тольтеков. Мы можем только догадываться, как эта хронология соотносится с нашей.

Мацих: Боги. Бог в ритуальной маске. Бог или боги.
Танец.

Что в руках у них?

Студентка: Кишки.

Мацих: Ну, после такого рассказа, да, думаю, первая мысль будет, что это мелко нарезанная печень, которую они сейчас с солью употребят. Кстати, соль они знали. Бог что-то ест, вот это что? Или он блюет, или он пьет кровь, или он что-то изрыгает?

Студентка: Изрыгает что-то. Изрыгает кровь.

Мацих: Нет. А вот нет. Я тоже так думал. И был убежден, что бог что-то жрет такое кровавое, ну, например, ест толстый кишечник какого-нибудь крупного животного.

Студентка: Это просто его язык.

Мацих: Нет. Это язык, но в смысле переносном – это он говорит.

Студентка: Кошмар какой!

Мацих: Это он говорит. Это символическое изображение того, что бог нечто изрекает. Не изрыгает, а изрекает. Это он так общается. Но говорит он о вещах серьезных и, видимо, например, о том, что нужно, скажем, обряд жертвоприношений свято блюсти. Очень интересный тип изображений. И ни одно из изображений не вызывает симпатии. Посмотрите на индийских богов. Даже Шива - добродушный, в момент, когда он забуцал карлика. Некоторая женоподобность и мягкость в их чертах. И посмотрите, что тут. Я думаю, что и

человеческого мало в этом, тут, скорее, звериная харя. Вот это знаете что такое? Истолкуйте мне вот это.

Студентка: Зерна какао?

Мацих: «Зерна какао» - сказала Оксана. Но мы знаем Оксану как романтика. Что Зоя думает, как трезвый реалист?

Студентка: Я думаю, что это люди, которых, как он считает, надо принести в жертву.

Мацих: Хорошо. А у Инны было соображение?

Студентка: Капли крови.

Мацих: Вы были близки к истине. Насчет зерен какао, при всем моем уважении... Это сердца тех принесенных, не капли крови, а что-то покругче. Каплей крови можно только менеджера напоить, а боги, особенно ацтекские, они требуют серьезных вещей. Это сердца тех пленников, которые были на жертвеннике принесены. Вот инструмент, которым они были... Они были уложены на жертвенник. Мы его увидим поподробнее. Не переживайте, мы всему научимся. Вот этим ножом было сердце извлечено. И вот сердца скольких людей в огне этого пламени жертвенного были поджарены чуть-чуть для того, чтобы богу как достойное яство преподнести. Вполне вдохновляющая штука, верно?

Студентка: Скажите, это бог-женщина? У нее, такое ощущение, грудь висит.

Мацих: Может быть это и так. Нет, я думаю, это бог-мужчина, однозначно. Хотя у них были богини. Но богиням не приносилось человеческих жертв. Меня больше удивил другой момент. Я не знаю, женщина или нет, посмотрите, как у него вывернуты ступни. В какой ситуации вы можете себе представить так женщину? Это где она так танцевала? Я отказываюсь слушать другие варианты, что она могла делать? Нет, это бог, и то, что вы приняли за грудь, не льстя тамошним женщинам явно, это, может быть, какие-то элементы украшений или там кольчуга. Но вот это же вы не принимаете за мужское его достоинство, верно?

Студентка: Вообще, они, конечно, извращенцами смотрятся.

Мацих: Я не знаю, что для вас извращенцы. Может быть, для вас человек, который собаку кормит пельменями, извращенец. Мне сложно сказать. Для каждого это очень индивидуально. Но то, что это кровавая картина, я вполне согласен. Да, безусловно...
Теологическая дискуссия – она всем хороша.

О! Вот о чем мы мечтали спросить, но стеснялись. Так вот, откройте глаза, братья и сестры, и внимательно воззрите. Чтобы у вас не оставалось иллюзий, что католическая религия принесла им порабощение.

Вот это было состояние блаженной свободы, в которой они жили. Обратите внимание, в каком восторге пребывает, собственно, жертва. Я не думаю, что это ему нравится. Но в этот момент, уже непосредственно в этот, конечно, дискуссию вести уже поздно.

Это жрецы. Видите, длинные черные волосы, нечесанные сроду. Ну, черные у них волосы у всех, у этого народа. Эти волосы были чем длиннее у жреца и чем больше покрыты кровью, в кровавых сгустках, тем жрец был более достойный и почтенный. Вот такие-то дела. И вот – обсидиановый нож, острейший, которым верховный жрец с непроницаемым выражением лица распарывает грудину и достает сердце. Видите, как выглядит

жертвенник? Он такой выгнутой формы, чтобы, когда человек укладывался, грудина бы выпирала, шла колесом. Тогда это, так сказать, облегчает процесс. Тоже не так легко это вскрыть, там ребра... Опытный хирург вам скажет, как это тяжело. И одним движением сердце вытащить. Это сложно. Надо перерезать артерии... То есть нужно владеть неким навыком, но верховный жрец умел. Ну и практика – критерий истины. Вот такие дела.

Помните, как это происходит в фильме Гибсона? Очень все натурально и правдоподобно воспроизведено. Вот главный, если хотите, обряд. Это, кстати, их, собственно, фреска. Они ничего в этом дурного не видели. Это не нарисовали «белые обезьяны». Это они сами зарисовали свой религиозный обряд, такой же, как любой другой. Как принесение, например, кукурузных початков какой-нибудь богине сельскохозяйственного плодородия. Для них это был центральный момент жертвоприношения.

Студентка: А почему именно сердце? Вы утрированно говорите? Они же могли желудок, глаз, или, я не знаю...

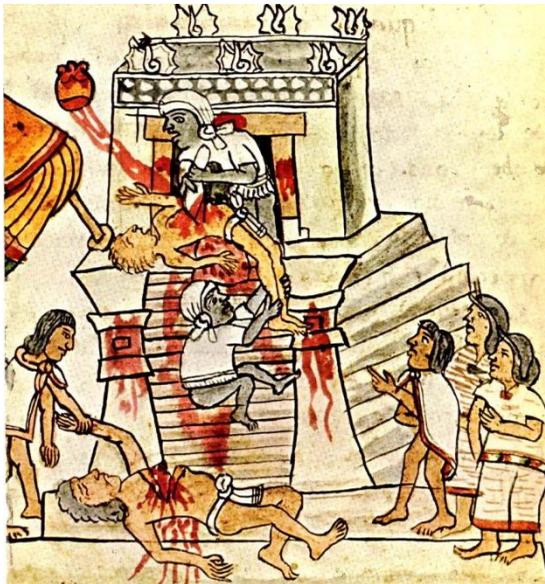
Мацих: Кому нужен желудок?

Нет, сердце считалось у них, как, кстати, и в нынешней европейской цивилизации, сердце они полагали лучшим и главнейшим органом человека. Но ведь мы тоже говорим: «сердце защемило», «ребенка давно нет – сердце болит», «ты разбила мне сердце, коварная». Или человек говорит:

«Уж я-то знаю женское сердце» – не имеется в виду, что он кардиолог. Он знает женщину интегрально, я бы сказал. Такие-то дела. Поэтому для европейской культуры сердце – всеобъемлющий символ. Вот для них было нечто подобное: в сердце у них помещалась душа – все лучшее, средоточие человека, поэтому боги питаются только лучшим. А что лучшее в человеке? Сердце! Это средоточие его жизни, без сердца человек не проживет. Потому что оно должно быть «свэжий, да»? Свежий. «Осетрина второй свэжести нэ принимается!» Поэтому извлекалось еще бьющееся, и бьющееся быстро кидалось жрецом, идеально - в одно движение, на такое...

Студентка: Сковородочку.

Мацих: Вроде... Да! На такую обсидиановую сковородку, где постоянно был древесный уголь и были благовония. И оно там чуть-чуть подрумянивалось, и в этот момент его подносили богу. Вот такой был обряд во всей его прелести. Впечатляет, правда? Вообще, я думаю, нам имеет смысл восстановить древние благочестия, правда? Начнем мы с ритуальной проституции, с храмовой. Потом с ритуального людоедства, а там... потихоньку... Нет? Ну, мы обсудим.

Студент: А как современное общество относится к своей истории?

Мацих: Ну, смотря какое общество. В Мексике, как вам сказать... В Перу я не знаю, не был в Перу. Я думаю, в Перу никакого общества нет, оно никак ни к чему не относится. Есть озеро Титикака, и вот эта вот всякая «кака» там и «тити». Кто мог придумать название «Титикака»⁶? Я думаю, католический монах, да? Чем мог руководствоваться человек, который так сказал?

Студентка: А у них есть что-то общее с американскими индейцами? Я слышала об их уникальных особенностях. Это о том, что, во-первых, они не боятся высоты, и их берут

⁶ **Титика́ка** ([исп.](#) *Titicaca*, [кечуа](#) *Titiqaqa*, [аймара](#) *Titiqaqa*) — самое большое по запасам пресной воды горное озеро в мире. Находится в [Андах](#). Название состоит из слов языка [индейцев кечуа](#): *кака* — [скала](#) и *тити* — пума — священного животного племён кечуа. Название Титикака было присвоено озеру испанцами. У народов аймара и кечуа озеро называлось «Мамакота»

в строители на самые страшнейшие небоскребы. Вот это, может быть, как-то соотносится с тем, что у них была такая безумная цивилизация, каких-то высот они достигли? Вдруг вот это какой-то отголосок даже в их вестибулярном аппарате или еще где-то? И, кроме того, то, что они не имеют растительности на лице, уж где там дальше, я не знаю. Это имеет какое-то соотношение с тем, что вы нам рассказываете?

Мацих: Сейчас я отвечу на вопрос Андрея и потом на ваш вопрос.

Мексиканское общество очень неоднородно. Но есть часть мексиканского общества, которая находится под влиянием «махрово-левацких» идей. Там же жил Троцкий, он не зря туда поехал. И там, в его доме-музее в Мексике... Если вы приедете в Мехико, не проедьте мимо музея-квартиры Льва Давидовича Троцкого – это интересно. В городе Мехико я пребывал в полнейшем охрениии, у меня было впечатление, что я попал в Москву 30-х годов: такого количества красных знамен, серпов и молотов, звезд, портретов, причем Троцкий и Сталин вместе, на одном портрете. Где вы видели когда-нибудь подобную штуку с конца 20-х годов? Там все это абсолютно естественно. И надписи по-испански, Mundo Obrego, все это «хренэро», «вперед!». Я думаю, вот это скорее свойственно мексиканскому обществу – такой левый

радикализм. Не от большого ума, как я думаю. Крайний радикализм, который всегда в мексиканском сердце находит отклик. Какие-то люди, например великий художник Диего Ривера⁷, оставивший огромные муралистические композиции на домах в Мехико... Вы не сможете мимо этого проехать, вы все это увидите – и скульптуру городскую, уникальную, и все огромные его композиции, и картины. Он был абсолютный «левак», он был левее самых левых коммунистов. И у него полно последователей, причем это люди очень талантливые. Сам Ривера был исключительно талантливым художником, но рисовал полнейшую хрень, с точки зрения исторического содержания. Мексиканское общество, в части своей, хочет сбросить этот ужасный колониализм, как им кажется, и, может быть, вернуться не столько в джунгли ацтекские, этого я не слышал, но вернуться ко временам советских колхозов они очень не прочь. Потом вы, может быть, не очень себе представляете, что такое Мексика. Это довольно большая страна, где жизнь, в европейском понимании, существует только в крупных городах и рядом. В двух-пяти департаментах. Все остальное живет, как оно жило тысячи лет назад. И центральное правительство ничего не контролирует. Вы обращаете внимание, что

⁷ **Диего Ривера** - мексиканский живописец, художник-монументалист и график.

сейчас происходит между Мексикой и Штатами? Мексика, правительство, объявило войну наркоторговле. На что наркоторговцы объявили войну правительству! Прямо так! Такое в какой-то стране можно себе представить? И ничего правительство сделать не может. Ничего совершенно. Полиция вся коррумпированная. То есть это особый народ, очень своеобразный. Я не знаю, как это связано с растительностью, которая, кстати, у них есть. Она не такая густая, может быть, как у европейских народов, но она, разумеется, есть, как есть и у китайцев. То есть бородка... Кстати, у Монтесумы была бородка, и это все описывают. У них растительность на теле не столь густа, но, безусловно, присутствует. Если отбросить стеб, как это связано с их ментальностью, я понятия не имею. Но я знаю, что это люди, до сих пор живущие представлениями очень далекой древности. И для них уравнительная справедливость коммунистическая 20-х годов – все обобществить, общие жены, все поделить, – это для них до сих пор живой и актуальный лозунг. И в своей истории они тоже видят какие-то, так сказать, положительные моменты. Ну, я не знаю, где тут можно что увидеть.

Сам город Мехико построен с огромным комплексом «младшего брата». То есть они все время хотят показать американцам, что «мы не хуже вас». Это настолько очевидно! Центр Мехико – это совершеннейший

Манхеттен, только огромный. И все в Мехико выстроено так, что оно должно быть громаднее! Если это театр, так его не обойдешь за сутки. Если это парк городской, то это – лес, это реально лес. В России даже он считался бы лесом, туда ходил бы Иван Сусанин постоянно. Вот как-то так. Если это проспект – авенида, – то она идет, и идет, и идет, я не знаю, на какое расстояние, наверное, как от Москвы до Питера. Все огромное, гигантское, часто безвкусное и очень своеобразное, и во всем видна такая дуля в кармане, а иногда и без кармана, которая северному соседу – американцам – направлена. С другой стороны, а что бы они без американцев? Ничто. Дон Альвар, ресторатор, который меня изумительно кормил и который рассказывал мне массу любопытностей про Мексику, он рассказал промексиканский анекдот о том, что самая лучшая страна в мире – Мексика. Там есть нефть, там есть золото, уран, там два океана, там все сорта рыбы речной и морской, там растет все на свете: от пшеницы и риса до таких вещей, тропических фруктов, которые вообще не растут нигде больше, ваниль, какао. Все, что хотите. Там огромное количество природных ископаемых, там все природные зоны: от высокогорья, на этой горе Попокатепетль, до приморских тропических равнин. Все на свете там есть. Лучшая в мире страна. Чтобы она не стала

супердержавой, Бог сделал только одно – отдал ее мексиканцам. Но тоже неплохой анекдот, согласитесь?

Рабочий день выглядит как в Мехико? Народ работает с 10 до 12, потом температура повышается, и работать глупо, правда? Поэтому надо часок побухтеть. В час все идут на обед, потому что это святое. С учетом мексиканской кухни, обалденно вкусной, невероятной, все, что есть здесь, ну, это... я даже отказываюсь это обсуждать. Это как сено по сравнению с разнотравьем. Настоящая мексиканская еда... ой, лучше об этом не говорить. Они едят хорошую мексиканскую еду, ее можно купить в любых ресторанчиках и ресторанах, и, поскольку обед – это процесс, то заканчивают они его часа в четыре. Вот, с часу до четырех они обедают. Потом, до шести, они переваривают, потому что это сиеста – это святое, и на это кощунственной длани никто не подымет. Надо поговорить. Вы хотите отменить сиесту? Революция будет на следующий день. С шести до семи, час еще, они работают, и толпы народу осаждают банки и всякие прочие государственные учреждения, стремясь, искренне веря, что за час их примут. В семь часов, как после землетрясения, никого нет. И на утро продолжается все то же самое. При этом они говорят: «Как эта падла – американцы – умудряются жить намного богаче нас?» То есть простой ответ, что американцы работают, как-то не

приходит в мексиканскую голову. Это люди столицы, у которых автомобили, дворцы, пароходы. Люди в провинции – они ковыряют деревянными палками точно так же, как тысячу лет назад. Поэтому я не знаю, какое там особенное общество.

Связь североамериканских и южноамериканских индейцев очевидна. Североамериканцы были не менее жестокие. Вот эти скальпы, охотники за черепами, там все это было. Но жертвоприношений у них таких не было, но они тоже могли откармливать пленника, а потом его торжественно обезглавить, высушить его череп, это все они умели. Гуроны, сиу⁸.

Легенда о том, что индейцев брали на строительство небоскребов – это миф. Ну, как множество других легенд, которые существуют вокруг строительства больших зданий. Как, например, главное здание МГУ – есть устойчивая легенда, что какой-то зек улетел на планере. Сделал крылья. Вековая мечта русского народа, чтоб взлететь. Такого не было, нигде не отмечено. Но легенда есть. Или легенда, что Иван Грозный ослепил строителей Храма Василия Блаженного – Барму и Постника. Ничего

⁸ **Гуро́ны**, **вайандо́ты**, самоназвание **вендат**(*wendat*) — некогда могущественное [индейское племя](#) в Северной Америке. Имя «гуроны» дали им [французы](#) по их всклокоченным, напоминающим шерсть кабана (*hure*) волосам.

Сиу (дакота, самоназвание *dakhota, lakhota, nakhota* — заключившие мир, объединённые) — индейский народ группы [сиу](#) на севере [США](#)

подобного, причем после этого потом строили еще. Но легенда есть. Она характеризует нравы той эпохи и самого государя Ивана Васильевича.

Индейцы... Откуда и взялась легенда, как мне кажется, про то, что они там что-то строили. Что они могли строить? Вы посмотрите на индейца, как он смотрит на молоток. Кто бы ему из подрядчиков доверил собирать что-то на высоте? Монтажник-высотник – высочайшая рабочая квалификация. Монтажник-высотник получает бабки, каких не получает глава компании. Потому что это квалификация штучная, единичная. Представляете, там, на высоте, это все фигачить? Ну, какой индеец? Даже если он не боится высоты, он разве отличит сварочный аппарат от молотка? А потом спускаться вниз, чтоб спрашивать каждый раз, у молотка где ручка, а где «било»? Мне кажется, совершенно... Но в американском языке есть выражение – «смотреть, как индеец на небоскреб». То есть это полное офигение, изумление, охренение и вся эта гамма чувств. Может быть, из этого родилась легенда, что индеец на небоскреб смотрел не так, а еще и вот сверху. Но мне это кажется абсолютным мифом.

Мацих: Ацтекский каменный календарь. И впереди, заметьте, бог с высунутым языком. Мы сейчас это увидим в цвете. Разобраться во всей этой штуковине очень тяжело, хотя сейчас учеными расшифровано. Это ацтекский шестидесятилетний цикл, во время которого осуществляется жизнь. После 60 лет все ацтеки собирались, это факт, ждали, не перестанет ли гореть созвездие Плеяд, то есть не закончат ли боги заботиться об этом мире. Если жизнь продолжается, но она продолжалась, конечно, потому что жизнь не зависит от созвездия Плеяд, как нам понятно, то они зажигали новый огонь. А на это время, на эту ночь, гасили все огни, все свечи, лампы, все очаги в домах, ничего не горело. Потом зажигали новый огонь – Fuego Nuevo, и начиналась новая жизнь. Ну,

естественно, до трех тысяч народу надо было, естественно, дело житейское, принести... А как вы хотите? Боги делают такое благодеяние, а мы им ничего? Нет, так не бывает.

Мацх: То же самое, но в цвете. Вот у вас этот бог вызывает симпатию?

Студентка: Хорошенький.

Мацх: Да? Как вы думаете, чего он от вас потребует?

Студентка: Мяса.

Мацх: Да, кроме крови и мяса, ему особо ничего не надо. И большинство ацтекских и иных индейских божеств,

они именно таковы. И бог дождя Тлалак⁹, и бог войны – Уицилопочтили¹⁰, и богиня кукурузы, и бог-ягуар – однозначно, бог всего худшего, что есть в человеке, и даже пернатый змей Кетцалькоатль, которого они отождествляли с европейцами, все эти боги всегда требовали человеческих жертв.

Бог войны – Уицилопочтили – благословляет воинов.

⁹ **Тлалок** — бог дождя и [грома](#), сельского хозяйства, огня и южной стороны света у [ацтеков](#).

¹⁰ **Уицилопочтли** — верховное божество у ацтеков, бог солнца, войны, охоты, покровитель ацтекской знати. Главное божество Теночтитлана. Изображался антропоморфно, в шлеме, имеющем форму колибри, со щитом, украшенным пятью пуховыми шариками, и луком или копьеметалкой.

А вот кролик. А что такое кролик? Я рассказал свою интерпретацию гиду, он ужасно смеялся. Я ему сказал... Ну, «белая обезьяна!» «Белая обезьяна» бородатая говорит так: «Это бог войны...» Я понял, что это бог войны, по плюмажу, по всем делам, и морда у него, как у старшины. Благословляет воина, освящает оружие и изгоняет из воина зайца, то есть его трусливую душу, вкладывая в него новую душу, там, орла или ягуара. Красивая интерпретация?

Студентка: Да, очень.

Мацих: Вот, блин! И я ж думал так. Оказалось, ни хрена. Но, по-моему, хуже, чем я придумал. Теперь, как звучит правильный ответ. Это кролик. Он отождествлялся с богом хмельного напитка пульке¹¹, который делался из кактуса, и который говорит о том, что настоящему воину перед битвой всегда нужно хряпнуть кактусовой для храбрости. Есть песня такая у нас, помните: «Вот разлито кактусной пол-литра, и на Марс уносится изба...» Не знаете?

¹¹ **Пульке** (исп. pulque) – это один из тридцати (приблизительно) традиционных напитков латинской Америки, включающих также текилу и мецкаль, получаемый путём ферментации (сбраживания) свежего сока нескольких видов «[магуэй](#)» (Magüey; исп. Американская агава)

«Мужики, ищите Аэлиту. Аэлита – лучшая из баб»¹². Это Михаил Анчаров¹³ ранний, вы что? Так что кактусная штука, она популярна.

Мацех: Один из ацтекских храмов. Видите, грандиозные постройки каменные. Причем это не кирпич, это камень. Сколько ж его надо было заготовить, привезти? Там, правда, недалеко каменоломни. Но что

¹² Вот разлиты кактусной пол-литра,
Вот на Марс уносится изба,
Мужики, ищите Аэлиту,
Аэлита - лучшая из баб.

Не беда, что воют электроны.
Старых песен на душе поток!
Расступитесь Хаос, Космос, Хронос!
Не унять вам сердца шепоток!
Михаил Анчаров. «Мужики, ищите Аэлиту!»

¹³ **Михаил Леонидович Анчаров (1923—1990)** — советский [писатель](#), [поэт](#), [бард](#), [драматург](#), [сценарист](#) и [художник](#). Является одним из первых исполнителей в жанре [авторская песня](#).

значит – недалеко? Такие глыбы. И сложить. Это все не культ, это хозяйственные постройки. Здесь или содержались пленники, типа тюрьмы, или потом сбрасывались туда их останки. Но сердце извлекалось, иногда извлекалась печень. Иногда от трупа, если это был молодой воин, отсекалось еще что-нибудь, ну, например, рука. И эту руку они ели, жарили и ели с печенью. Дело хорошее. А все остальное, что оставалось, они сбрасывали в такие штуковины, в каменные, облицованные камнем, колодцы. Там все и хранилось. Это нельзя было никогда использовать, ни похоронить, ни бросить собакам, потому что это жертвы богам. Боги лучшее съели – сердце. Люди съели что похуже, а остальное, значит, идет вниз. Такое у них было представление о сохранении материальных останков.

Студентка: Там зловоние какое-нибудь было?

Мацих: Несомненно. Но кому оно мешало? Благочестие со зловонием очень хорошо сопрягается. Запах святости, он всегда таков. Запах истинной святости.

Студентка: А у них вообще умирали естественной смертью?

Мацих: Нет! Они убивали каждого!

Я думаю, конечно, умирали. Во-первых, множество детишек умирали молодыми. И это прекрасно.

Студентка: К счастью.

Мацих: Да! Они не видели всех этих мерзостей, а все еще думали, что мир прекрасен.

Студентка: А у них были такие ритуалы, как похороны?

Мацих: Да, конечно были. У них была довольно разветвленная система ритуалов. У них были свадьбы, у них были похороны, у них были обряды наречения имени и обряд наречения имени второго. Например, когда ребенок из бедной семьи, парень, конечно, становился, например, выдающимся спортсменом, вот этим, которые локтями и коленями... Оттуда брали в солдаты, он приобретал воинские умения, становился воином, и в битве славился беспощадностью и храбростью. Ему разрешали переходить в высший статус, он получался, говоря по-нашему, выслужившийся дворянин, не по рождению, а по заслугам. Вот такое дворянство, как при Петре возникло в России. Он своими достоинствами приобретал новое звание. Ему разрешали брать, кроме одной, еще несколько жен – это разрешали только знати. Разрешали переселяться из таких деревянных и из листьев состоящих домов в каменные. Ему разрешали носить одежду из тонкого хлопкового полотна. Разрешали есть другую еду. В общем, он как-то приобретал совершенно иной статус. За его достоинства. В этом случае ему давалось второе имя. И это был специальный, очень разработанный ритуал. Был специальный ритуал, когда

человека в годах приглашали в совет. Решения принимал, естественно, все царь, но у него был как бы совет старейшин, консультативный орган при нем. И для мужчины знатного рода получить туда приглашение и специальный плюмаж, который об этом свидетельствует, это была великая честь. Величайшая честь – как стать придворным в феодальной Европе. И такой ритуал был, очень разработанный. Конечно, все было. Насчет ритуалов как раз у них было скрупулезнейшим образом разработано.

Умирали, разумеется, и своей смертью. Религия была чудовищно жестокой и очень мрачной. Религия не учила человека ничему хорошему. Наоборот, при соприкосновении с религией человек думал только о дурном. Но о чем еще он мог думать при таких ритуалах и таких требованиях богов? А обычная жизнь была как у всех. Как у всех.

Студентка: А каков у них грех в религии?

Мацих: Что есть грех в их религии? Ослушаться богов, я думаю. Не пойти на войну, для юноши. Боги требуют для себя новых жертв – иноплеменников, забрать людей другого племени, принести их в жертву. Мобилизуется армия, а парень трусит и говорит: «Ай, я боюсь. Меня убьют», – это плохо, это трусость. Если родители покрывают, это и их грех. Ну и обычные грехи – красть не

разрешалось. Наказание? Вот что у них было прекрасно, это полное единообразие наказаний! Никакая адвокатура у них бы не процвела, потому что наказание было одно, и вы легко понимаете, какое. За прелюбодеяние, за то, что человек смотрел на чужую жену – и это каралось. За воровство, за то, что человек мусорил на улице – очень они следили за чистотой. За подделку весов и гирь на рынке, за продажу одного товара вместо другого, там, перец одного сорта вместо... Это все из ацтекских хроник. За это однозначно привлекали к ответственности. Ну и ответственность была, понятно. Вот такие были грехи, так же, как у всех остальных народов.

Студентка: А искусство?

Мацих: Вы видели образцы его. Это рисунки и изображения богов. Очень своеобразная у них была керамика. Странные черты, например изображение беременной жабы. Вот мы бы стали такое изображать? Очень любили они изображать беременных, что-то им нравилось. Беременная обезьяна. Вот у них посуда ритуальная была из изображений беременных обезьян. Не знаю, что в этом красивого, но им казалось так. Любимыми цветами у них были черный, золотой и красный.

Студентка: Почему вы думаете, что беременная на посуде? Может быть, это объевшаяся обезьяна, если это на посуде?

Матих: Ну, сколько ж надо «объесть»? Беременность легко отличить. Вы отличаете мужика с пузом от беременной дамы, правда? Хотя по виду многие, особенно священнослужители... Можно вполне подумать, что это на девятом и на десятом месяце. Однако при более близком рассмотрении мы не можем не заметить существенных различий. Вот на них-то и важно сфокусироваться.

Искусство было, я вам говорил о нем. Вы можете найти в интернете образцы. Вот, верните назад.

Матих: О! Вот это классический образец. Избыточность в искусстве, полное отсутствие, с нашей точки зрения, стиля. Вот по сравнению с японским, помните? Это полная противоположность. Разрисовать каждый кусок. Все раскрасить. Все каким-то, наверное, смыслом наполнено.

Вот такая чрезмерная, излишняя избыточность – их стиль в искусстве. Хотя, конечно, искусство было. Не было народа, у которого бы его не было.

Студентка: А письменность?

Мацих: Нет, письменности у них не было, конечно. У них было рисуночное письмо – пиктограммы, но письменности, в нашем смысле, не было.

Студент: А как они использовали свои знания, если они знали... в области звезд?

Мацих: Из уст в уста.

Студент: Просто передавали друг другу, и все?

Мацих: Да. Кто их накапливал? Специальные жрецы. Были жрецы, которые для жертвоприношений, а были жрецы иные – для наблюдений, для записей, для скрупулезного соблюдения календаря. Вот эти жрецы и брали способных парней к себе, или своих же сыновей учили, что тоже возможно, и передавали им знания из уст в уста, как оно тысячелетиями делалось без всякой письменности. А египетские жрецы как? Какая-то система рисуночная у них была. Видимо, из этих рисунков какую-то информацию можно было почерпнуть, но, главным образом, конечно, из уст в уста. Язык нахуатль, на котором они говорили, как утверждают знатоки, был весьма развит, он был литературно богатый и гибкий, но письменности

никакой не создал. Письменность – это вообще удел очень немногих народов.

Матч: Вот та же пирамида, но вблизи. На одну из таких пирамид, на пирамиду Луны в окрестностях Мехико, я забрался. Дурак, конечно. А потом пошел дождь, и я понял, что назад я не спущусь. Но мысль о том, что потом, в будущей жизни, я встречу людей из Ситибанка, укрепила мое сердце, и я понял, что я, как «белая обезьяна», не должен быть обязательно обезьяной беременной, и спустился. Но тяжело было. Пирамиды Солнца и Луны впечатляют до сих пор, несмотря на все «манхеттенообразные» сооружения города Мехико. Можете себе представить, какое впечатление она производила тогда.

По ступенькам подымался жрец с процессией, и тут, наверху, делалось жертвоприношение. Такая система. Никакой другой функции у этой пирамиды не было.

Центральный собор, главный.

Он построен на осушенном озере, примерно на том месте, где было главное святилище ацтекских богов. Полностью установить не удалось, потому что ведь острова исчезли, смешались с сушей, но говорят, что этот собор стоит на том самом месте. Ацтекские жрецы его, конечно, прокляли, а он стоит прекрасно до сих пор. Собор гигантских размеров, как многое в Мехико-сити. Вот, посмотрите, как люди выглядят по сравнению с ним.

Собор этот огромный.

Мацих: Вот это уже инки.

Мачу-Пикчу

Как у нас со временем? Плохо? Ну, про инков-то особо и рассказывать нечего.

Студентка: Как это нечего?

Мацих: Про инков?

Студентка: Да. Была такая интереснейшая цивилизация. Пусть недолго, но зато насколько она была совершенна.

Мацих: Совершенство было изумительным, да, изумительным. Особенно наказание за супружескую неверность – подвешивание за волосы над пропастью, при засовывании в разные деликатные места нескольких скорпионов. Это хорошо.

Студентка: Только женщинам?

Мацих: Ну, мужчине, особо... Хотя, можно, можно, конечно. Но сложней будет. Тоже подвешивали, вероятно. Мужчину есть за что подвесить.

Студентка: За волосы, вы сказали.

Мацих: Ну да, конечно, за волосы. Разумеется. И за трудовую биографию еще.

Инкская цивилизация это нынешнее Перу, Эквадор, часть нынешнего Чили и часть нынешней Боливии. Но центром, сердцевинной, была горная страна на территории нынешнего Перу. И столица их – Куско, и город Мачу-Пикчу, который вот мы видим. Мачу-Пикчу, так он назывался. Это был священный город богов, люди там не жили. Цивилизация была, своеобразная, но назвать ее совершенной я как-то не могу, честно говоря. Но в ней были любопытные, своеобразные черты. Сколько она существовала на самом деле, мы не знаем. И я не думаю, что она была молодой к моменту, когда испанцы пришли. Наоборот, мне кажется, она была старой и загнившей. Это видно хотя бы из того, что они не оказывали никакого сопротивления войскам Писарро¹⁴. А ведь Писарро, представляете, он откуда пришел? Вы вспомните географию Америки. Он пришел из Мексики, из центра! Из Центральной Америки он шел через страшные джунгли,

¹⁴ **Франсiско Писарро-и-Гонсалес** ([исп. Francisco Pizarro y González](#), ок. 1475 — 26 июня 1541) — испанский авантюрист, [конкистадор](#), завоевавший [империю инков](#) и основавший город [Лима](#).

непроходимые даже сейчас! Что было тогда? Через всю нынешнюю Колумбию, часть нынешней Венесуэлы. Это обалдеть! И эти люди пробились. Сколько там их было? В каком виде они дошли? Господи ты боже мой! И была их, конечно, горсть, и, в отличие от Кортеса, никаких подкреплений Писарро ждать ни от кого не мог. Все, что было при нем: весь порох, ружья, ядра, лошади, солдаты – вот с этим он шел. Он шел, конечно, в страну Эльдорадо, и нашел. Горная страна инков, он уже знал... Он, кстати, служил капитаном у Кортеса. Ему было у кого учиться. И ученик в чем-то превзошел учителя. Он понимал, нужно поймать кого-то из местных, и этот местный пусть расскажет тебе ситуацию. Ему не повезло – никакой своей Малины он не встретил. Но индейцы рассказали, что есть такой Сапа Инка – царь, который живет где-то там в золотом дворце. И воображение Писарро воспалил такой момент: ему сказали... Это, кстати, оказалось не совсем мифом, но обрядом, не имеющим отношения к тому, о чем рассказали. Ему рассказали про такой, якобы существовавший, обряд, что в озеро Титикака, где-то наверху, – это озеро реально существует в Перу в высокогорье, – в момент рождения царя бросают мальчика. Для того чтобы мальчик помер, а царь жил. И мальчика этого с головы до ног покрывают золотом. Он как бы становится золотым слитком и тонет в воде. Но это

не огорчает никого, а, наоборот, радуется, потому что это обряд пожелания царю долгой жизни. Тут Писарро, конечно, спросил, а велик ли мальчик? Ему сказали, что мальчик не слабый такой, не младенец, подросток. Он сказал: «Что, и весь он золотой? И так каждый год?» Ну! Он пожелал царю долгой жизни и сказал, что мы найдем этого царя.

История войны была еще более позорная для индейцев, чем с ацтеками. Никаких вообще героических страниц не было. Инки, которые тоже могли выставить огромную тридцатитысячную армию, убегали при первом выстреле пушки. Не знаю, как они там с соседними народами разбирались. Они считались непобедимыми в своей горной стране, но, увидев испанское войско, даже в количестве ста человек, они моментально убегали, конечно. Никакого понятия о дисциплине. Я не знаю, что это за цивилизация, у которой воины разбегаются от одного громкого звука. Ну что пушка? Ну, выстрелила. Ну и что теперь надо делать? Воинам бросать оружие и убегать? Какая тогда, нахрен, дисциплина? И что это за цивилизация, которая держалась только на воинской силе? Как-то это в мои представления о цивилизации не вписывается. Мне кажется, полное разложение. Загнила цивилизация, абсолютно. Никто уже не думал об общем благе, воины сражаться не могли – это все признаки

разложения. В таком виде испанцы ее застали. Кроме того, индейцы, вы же понимаете, я их хорошо описывал, не хочу рассказывать о них больше, но инки были еще менее, скажем так, развиты, чем ацтеки. Конечно, никакого колеса, никакого одомашнивания, понятное дело, нет, и даже каких-то видов оружия у них не было. Поэтому Писарро захватил Сапа Инка в плен. Его и так называемых касиков, племенных вождей, знать, и потребовал за каждого выкуп огромный. И все заплатили бестрепетно. А за Сапу Инку он потребовал такой выкуп: он зашел в самую высокую комнату, которую нашел в инкских строениях, и сказал: «Комната вся должна быть, от пола до потолка, полна золотом. Тогда ты выйдешь на свободу». Тот дал приказ, и стали сносить золото. Золота действительно было много. Они его не так ценили, как европейцы, но понимали, что это драгоценная вещь. И для них золото было ценнее, чем, скажем, медь, из которой они... Они, кстати, знали металл. Там есть самородная медь, они умели ее плавить. Из меди даже делали некоторое оружие и металлические предметы. Но, в принципе, золото не было для них таким ценным. Они сволокли золото со всей империи, наполнили комнату, но потом, разумеется, все равно, конечно, Инка был убит. Он отказался провести какой-то там религиозный обряд, смысла которого он не понимал. По требованию священника он что-то должен

был сделать. То ли он отказался поцеловать распятие... Формальная придирка, потому что он понятия не имел, что от него требуют. И его сожгли как еретика. И, в общем, испанцы установили полнейший контроль над этой цивилизацией, и она рухнула так же бесславно, как и ацтекская. Но остались следы. Ведь это в горах, а не в джунглях Юкатана, и это уцелело на долгие годы. Откопали, конечно, опять-таки европейцы, те же «белые обезьяны». В чем сложность с Центральной Америкой? Джунгли где-то через 20-30 лет полностью отвоевывают у человека всю территорию и, если их не полоть, то зеленый этот ад – сельва – занимает все пространство. И города (это, кстати, и для Индии характерно) полностью скрываются в этом зеленом море. И потом, чтобы пробиться туда сквозь малярийные болота, джунгли, полные скорпионов, змей, гадов, пауков ядовитых, нужна большая смелость. Нужно знать, куда идти, ну и техника какая-то. Но европейцы откопали! И города майя, и города тольтеков, и ольмеков, и ацтеков откопали европейские археологические экспедиции, в основном англичан и американцев. Потом уже, конечно, присоединились испанцы с мексиканцами. В Перу попроще, потому что нету джунглей. Растительности вообще почти нет, она маленькая, это же высокогорье. И эти каменные строения, если до них добраться, то они, конечно, сразу видны.

Город Мачу-Пикчу довольно долго удавалось инкам скрывать. Инки, в отличие от ацтеков, не были истреблены до последнего человека. Ацтеки практически вымерли через 50–60 лет от невыносимых условий эксплуатации. Их всех, ацтеков, объявили рабами, никого не жалели испанцы. Ну, злейшие враги. И потом – слуги дьявола, эти жертвоприношения. А испанцы ребята ж, как вы знаете, суровые в исполнении религиозного долга. И ацтеков не осталось. То есть те индейский племена, которые там живут, это могут быть даже потомки майя, которые значительно раньше ацтеков жили, но они живут, а ацтеков нет. А вот здесь – инки. Ну, они так вот и живут до сих пор. Говорят на своем языке – кечуа. Вспоминают своих прежних богов. Жертвоприношения тоже были кровавые, но не столь ужасные и не столь красочные, как у ацтеков. Поэтому Писарро, который был еще более равнодушен к этим вещам, его только золото интересовало, он, собственно говоря, и особенных-то усилий не предпринимал по искоренению местных суеверий. Ну и потом, церкви тяжело было добраться. Индейские деревни были у всех на виду в Мексике, а здесь попробуй – в горы. И инкам свои верования, если хотите, суеверия, свои идеи удалось на значительно более долгий срок уберечь.

Что было главной культурой сельскохозяйственной у ацтеков, как вы думаете?

Студентка: Кукуруза?

Мацих: Безусловно. Кукуруза, конечно. Кукуруза и фасоль – это было главное, чем они питались. Но они и помидоры выращивали, и какао, и все прочее, но, конечно, главным кормильцем была кукуруза. А у индейцев-инков? Картофель. Родина картофеля – это Перу, Южная Америка, а вовсе не Северная, как многие думают. Они научились выращивать картошку, у них в горах не рос бы никакой хлеб, даже ячмень. Вот в Тибете, например, растет все-таки ячмень, высоко в горах. Но это надо быть тибетцем и китайцем, чтоб его там вырастить. Для инков это было невозможно. Никакое зерновое там не росло бы, кукуруза тем более – она очень капризна. Картошка единственная. Сортов картошки там совершенно невероятное количество. Люди, которые бывали там... Есть у меня одна замечательная знакомая, которая объездила все Перу и Эквадор вдоль и поперек, а она полагает, как вы, что эта цивилизация совершенна. Она рассказывает, что на базаре, традиционном сельском, в Перу и в Боливии торгуют исключительно картошкой и ничем другим не торгуют. Но картошки этой сортов шестьдесят. И ни один из них не напоминает то, что мы картошкой привыкли называть.

То есть там это нечто иное, и благодаря разнообразию всех этих клубневых делов они и живут. Это, собственно, и составляет их еду. Вот такая у них была простая жизнь.

Что такое Мачу-Пикчу и к чему каждое здание приспособлено, не знает никто. Археологи сломали всю голову. Ничего же не осталось, никакой письменности. Фольклор у них был крайне бедный. Письмо у них было только узелковое, так называемое.

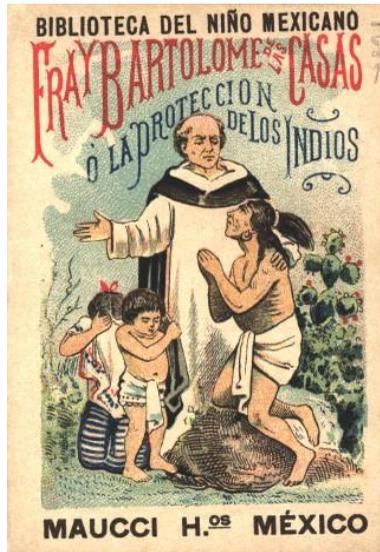

Курьером передавались как-то своеобразно завязанные узелки разных цветов на шнурах разной длины. Ну, какая-то система знаков в этом есть. Какое-то количество сообщений, от одного до пятидесяти, можно так зашифровать: «действуй, как раньше» или «подожди моего совета», или «немедленно наступаем», какие-то простые вещи этими узелками можно передать. Но, конечно, системы передачи информации у них не было. Поэтому сложно очень сказать, что, собственно, имели они в виду.

Индейцам повезло, потому что приехал из Испании в Мексику Бартоломео де Лас Касас¹⁵. Был такой великий для индейцев человек.

Очень такой добрый и человеколюбивый монах. Это, кстати, очень частая вещь среди католического духовенства: с одной стороны, лютая жестокость и фанатизм, абсолютная свирепость, а с другой стороны, доброта ангельская, всепрощение и милость к падшим. Бартоломео был из вторых, им безумно повезло. Потому что приехал бы суровый инквизитор, их не осталось бы ни

¹⁵ **Бартоломé де Лас Кáсас** ([исп. Bartolomé de Las Casas](#), [1484^{\[1\]}](#), [Севиля](#) — [17 июля 1566](#), [Мадрид](#)) — [испанский священник-доминиканец](#), первый постоянный епископ [Чьяпаса](#) и историк [Нового Света](#). Известен своей борьбой против зверств в отношении коренного населения Америки со стороны испанских колонистов.

одного. А он индейцев ужасно жалел. Он научился говорить по-местному. Они считали его богом живым. И они подарили ему – он ужасно смущался – распятие, где был в качестве распятого изображен он сам. Вот так они понимали, это было для них выражение благочестия. Он рассказывал о милосердии распятого. А для него это было кощунство, конечно. Но это показывает их такое вот народное благочестие. Он ужасно заступался за индейцев. Кстати, заступаясь за индейцев, он высказал интереснейшую мысль: индейцев нужно заменить неграми, негры все выдержат. Индейцы хрупкие и слабые, то ли дело – негры. Это была его идея – ввозить негров в Южную и в Северную Америку. Интересная ипостась гуманизма – спасай своих, которых я люблю, а что черных-то жалеть, правда? Такие дела.

Но для инков не было своего Бартоломео де Лас Каса. В Перу очень тяжело добраться. Мексика ж на побережье двух океанов, и Тихого, и Атлантического, а это с Европой как-то соотносится. И полно островов вокруг. А к Перу попробуй, приплыви. Это ж нужно обогнуть Южную Америку с юга, через Магелланов пролив. Там до сих пор суда ходят с опаской! Там совершенно чудовищный климат, эти «ревущие сороковые». Тогда единицы из судов добирались. А добираться сушей... Можете себе представить? Через непроходимые джунгли, огромные

пространства, через горы. То есть это в очень труднодоступном районе. И не сложилось класса европейцев, который бы проявил достаточное научное любопытство к наследию инков. Оно стало по-настоящему изучаться только в XX веке, уже проводили беседы по деревням... Я думаю, что это очень искаженно. Как шаманизм стали изучать в XIX веке всерьез. Многие вещи уже были неузнаваемо искажены. Но, тем не менее, кое-какие сведения об инках у нас есть. Так разведали город Мачу-Пикчу в горах.

Мацих: Стена. Вот видите, они такие камни умели укладывать. Как-то же умудрялись? Это одновременно и фортификационное сооружение, и культовое. Всем богам они сооружали такие каменные огромные святилища и

приносили там жертвы, в том числе человеческие – есть неопровержимые свидетельства этого.

Мацих: Вот так издали выглядят подступы. Посмотрите, какое грандиозное сооружение на фоне грандиозных гор. Кстати, в Перу находится знаменитая пустыня Наска, вы слышали, да? С этими огромными изображениями, которые могут быть видны только, если не из космоса, то с самолета. При этом изображения, пока ты ходишь, не видны. Просто как некие борозды на земле. А когда ты поднимаешься вверх, начинаешь понимать: вот это рыба, это паук, это птица колибри, это орел. Для кого это делалось? Кем и для кого? Кто это должен был видеть? Одна из мыслей – это может быть навигационная система для инопланетян, но инопланетяне не стали бы изображать животных. Или уж какое-нибудь животное, которое не водится в этих краях, а там именно все те, которые вокруг. Наверное, это были тоже элементы службы богам. Но в чем состояла эта служба? Видеть могли только боги с небес, вы понимаете, да?

Студентка: У них есть еще астронавт там.

Мацих: Нет, ну это Эрик фон Дэникен¹⁶. Астронавты...
Какие там астронавты?

Студентка: Изображение астронавта есть.

Мацих: Да Бог с вами! Это изображение некого существа, которое, при напряжении фантазии определенном, может быть названо... Вы помните изображение, которое мы обсуждали? Насчет того, женщина это или нет. И можно было найти и то и другое, причем в местах, наименее подходящих с точки зрения топографической анатомии. Но мы ж нашли. Поэтому при напряжении воображения, любой рисунок можно так истолковать. Ну, Оксанка ссылается на книгу и фильм Эрика фон Деникена «Воспоминания о будущем». Если интересуетесь, посмотрите. Там гипотеза, что всё инопланетяне сделали, а тупые люди что вообще могли придумать? Мне кажется, что никаких инопланетян не было. Никакие астронавты туда не залетали.

Студентка: Там были просто линии?

Мацих: Там не линии. В том-то и дело, что там не линии и даже не узоры, это именно изображения, которые с

¹⁶ **Эрик фон Дэникен** (*нем.* *Erich von Däniken*; род. [14 апреля 1935](#), [Цофинген](#), [Швейцария](#)) - швейцарский писатель и кинорежиссёр ^{III}, [уфолог](#), один из известнейших идеологов [теории палеоконтактов](#). В [1968 году](#) издал книгу «[Колесницы богов](#)», послужившую литературной основой для популярной западногерманской документальной кинодилогии «[Воспоминания о будущем](#)» ([1970](#)) и «[Тайны богов](#)», [1976](#)

определенной высоты воспринимаются как целостный ряд изображений.

Студентка: Но есть просто прямые.

Мацих: Есть прямые, понятно! Бог бы с ним! Хотя и прямые непонятны, они тоже не воспринимаются как знаки, когда ты ходишь рядом. Это, вероятно, древняя система богослужений, но, может быть, народа, который вымер задолго до инков. Но почему эти народы вымирали? Вот расскажу вам об этом, и мы будем выходить на финиш.

Вот – майя. Они покинули эти свои огромные города и исчезли. Куда они делись? А ведь это цивилизация, которая жила до инков, по-видимому. Так мы думаем. Куда они делись? Я думаю, они ушли в поисках лучшей земли, во-первых, страдая от нашествия другой народности, другого племени, а во-вторых, истощалась земля. Их система земледелия была чудовищно примитивной – ковыряние земли и разбрасывание горстей зерен кукурузы или посадка картофеля... Земля, конечно, истощалась через 5–6 лет. Ну, они оставляли под паром... Знаете? Под паром – когда она набирается сил. Удобрений никаких, естественно, не знали. Скота они не держали, поэтому – откуда? Даже такой простой вещи, как навоз, которую знала вся цивилизация, европейская и азиатская, самое естественное удобрение, у них и того не было в

достатке. Потому что без домашнего скота где ж ты его возьмешь? И как тут землю под паром ни держи, но по подсчетам агрономов через 15–20 лет надо уходить дальше. Уходить дальше, отвоевывать у джунглей... А этим еще тяжелей – террасное земледелие на горах это ж дикая работа, чудовищный труд. И как ни работай, все равно. Сколько ты ни принесешь плодородной земли в корзине за спиной, все равно рано или поздно она истощится. То есть через 60, 70, 100 лет надо уходить. От нажитых мест, от своих же памятников, просто чтобы прокормиться. И так они куда-то ушли и сгнули. Или заблудились. Там же вокруг непроходимая абсолютно сельва амазонская. А если дальше – там море, и тоже ничего интересного нет. И, в общем-то, жить, как это ни странно, можно только в высокогорье. Там хоть какая-то плодородная земля. Потому что с их техникой, не имея даже топора железного, невозможно абсолютно со страшными амазонскими джунглями справиться. И все, что они могли освоить для жизни, это или предгорья, или высокогорья Анд, южноамериканских гор. И, мне кажется, они просто ушли и растворились в цивилизационном тумане.

Мацих: Примерно так выглядело террасное земледелие. Но много ли с таких полей снимешь урожая? Поэтому их и не могло быть много, этих людей. И жили они, соответственно, впроголодь. Кстати, инкская система была абсолютно социалистической, полная командно-административная система. Никто, кроме высшего чиновничества, никогда не ел вдоволь и чего хотел. Всем выдавалось ровно столько, сколько власть считала, что ему положено. Это идеал социализма.

Студентка: Зато они стариков своих содержали.

Мацих: Кто доживал до старости, один из двух тысяч, конечно, можно было уже и содержать. Да и сколько бы он прожил, зубы-то выпадали, картошку не прожует. Чего такого не содержать? У них, да, был такой общинный принцип – они не давали никому умереть с голоду, это правда. Но не то, что выбиться, даже съесть лишнюю

картофелину было невозможно, потому что все выдавалось из общинных хранилищ. Абсолютнейший идеал социализма, как я его помню. Никто уже не помнит этого, как я. Эх, ладно... Но, может, это и хорошо.

Студентка: Сейчас тоже сохранилось такое террасное земледелие в некоторых странах.

Мацих: Естественно. Оно есть, оно кормит многих. Но сейчас, конечно, это для них не система. И потом, случись чего, их прокормят другие. Рис из Южной Кореи, например. Раньше ведь не было ни Южной Кореи, ни риса. Поэтому если голод, так это голод. И народ вымирал почестному. А сейчас они только жалуются в ООН. Но сооружения впечатляют, согласитесь.

Студентка: Красиво.

Мацих: Но как звали их богов, мы только примерно представляем себе. Об ацтекской системе религиозной мы, конечно, знаем гораздо больше: о функциях богов, об их изображениях, об их биографиях, кое-что сохранилось из эпоса. Об инках совсем отрывочные сведения по причинам, которые я вам назвал.

Вперед.

Мацих: Вот он, нож для жертвоприношения. Вот это каменная часть, это – золотая. Вот таким ножом разрезалась грудная клетка и извлекалось сердце, ливер и всякие прочие штуки. Это сам бог. Зубов у него наружу нет, но и ничего добродушного в его облике не наблюдается. На вопрос об искусстве – конечно, это искусство. И бог смотрит с определенным выражением лица. И работа – это бирюза, тут какие-то иные драгоценные камешки, и все это из золота, и достаточно тонкая ювелирная работа. То есть это в каком-то смысле произведение искусства. И прикладного, что ценно – можно использовать, и религиозного. Вот такое искусство у инков существовало.

Мацих: Другой. Тоже ритуальный.

Студентка: Они сточены внизу?

Мацих: Я думаю, сточены от употребления, конечно. Их же надо было точить после каждого вскрытия. Потому что это ж мясо, ребра резать – он тупится, и камень нужно было затачивать. И я думаю, что он был, наверное, длинный сравнительно, а потом потихонечку стачивался к моменту, когда его обнаружили европейцы.

Ну вот, такие каменные ступени на входе, вероятно, в святилище. Но само святилище уже не сохранилось. Но какая работа! В этом самородном камне, в горах, выбить и отшлифовать... Трудлюбивые были ребята.

Это общий вид Перу. Река. Вот эти самые терраски. Через огромные пропасти они перекидывали мосты и умеют это делать до сих пор. Обалденное искусство. Они его плетут на ходу, плетут на ходу и не падают. Закрепляют

одним концом за что-то на одном берегу и вот так плетут, плетут, плетут и добираются до конца. Это исключительная штука, по свидетельству видевших и той девушки Иры, которая по этому мосту, по ее словам, даже прошла. И она говорит, что это сильное ощущение! То есть с жизнью она прощалась раза четыре и после этого отказалась от поездки на всякую Титикаку. Только на следующий день. А весь вечер после перехода по мосту исключительно провела в номере, попивая любимый напиток «белых обезьян» – американский виски.

Студентка: Стресс немалый!

Мацих: Штука сильная, да! Она, по ее словам, посмотрела вниз. И в этот момент, как она деликатно выразилась, случилось непоправимое. Но дошла до конца. Но надо знать эту Иру, она дойдет... Ее бы Кортес взял в свой отряд. Вот такие дела.

Ну, картинки кончились, и рассказ подходит к концу.

Что можно сказать о доколумбовой Америке? Какие-то боги и божества были, – вот, в пандан¹⁷ к вопросу веры, – и у народов Северной Америки, разумеется. Это чистый шаманизм-тотемизм, и мы об этом говорили с вами. Более развитая религиозная система у индейцев Южной Америки и Центральной. Но, к великому сожалению, мы

¹⁷ **В пандан** — к кому, к чему. Книжн. , устар. Под стать, в пару кому-л., чему-л. БТС, 777. /em> Из фр. **pendant** – соответствие, пара, парный предмет.

должны констатировать, это система ужасно кровавая, человеконенавистническая и людоедская в прямом смысле слова. Есть фраза у маркиза де Сада, который, кстати, хорошо разбирался в религиях, о том, что все религии требуют человеческих жертв. Это правда. Но все по-разному и в разном объеме. У него же есть фраза, которую потом использует Анатоль Франс, гений, в своем великолепном романе «Боги жаждут»¹⁸, о том, что боги познаются по их аппетиту. Аппетит индейских богов, особенно ацтекских, был чудовищным, и они подавились. Они подавились тем куском, вот тем кровавым мясом и дымящейся кровью, которое запихивали в их ненасытное хайло почитавшие их народы Центральной Америки. И эти боги исчезли совсем. Они, наверное, не были демонами, за каких их принял Кортес, это были порождения воспаленного и в чем-то нездорового воображения этих вот народов. Это показывает, что религия может быть очень и очень разной. Очень и очень разной... И с религиозными чувствами надо быть очень осторожными. Далеко не всякая религия, далеко не всякая, как мы видим, учит непременно добру. Да и что есть добро? Не

¹⁸ **Анатоль Франс** ([фр. Anatole France](#); настоящее имя — **Франсуа Анатоль Тибó**, [François-Anatole Thibault](#); [16 апреля 1844](#), [Париж](#), [Франция](#) — [12 октября 1924](#), [Сен-Сир-сюр-Луар](#) ([фр. русск., Франция](#)) — [французский](#) писатель и литературный критик. Роман [«Боги жаждут»](#) ([фр. русск. \(1912\)](#)), посвящен [французской революции](#).

есть ли добро тридцать юношей с утраца – «вжик», чтоб солнце взошло. Правда? Это есть несомненное добро, с ацтекской точки зрения. С нашей – вещь абсолютно чудовищная. И самое ужасное не только в умерщвлении этих бедных юношей, а в идее, что людям может прийти в голову мысль, что боги могут такое требовать. Это ж какое представление у них о богах? Боги, получается, гораздо хуже самых злобных и кровожадных из людей. Зачем такие боги? Если бог не есть нечто возвышающее душу, зачем его придумали? Даже если допустить, что мы все придумали: не бог придумал нас, а мы придумали бога. Ну, допустим. В рамках дискуссии почему нам такую точку зрения не принять? Великий Мирча Элиаде¹⁹ тоже из этого исходит, но мы же не перестанем его читать. Я, кстати, очень вам его рекомендую, сейчас есть русский перевод. Точно уже совершенно. «История религиозных идей»²⁰. Как сказано, имеет наглость быть румыном. По-французски и по-английски четыре тома, а по-русски три почему-то. Может, они что выбросили по своей привычке

¹⁹ **Мирча Элиаде** (рум. **Mircea Eliade**; 13 марта 1907, Бухарест, Королевство Румыния - 22 апреля 1986 г., Чикаго, США) - румынский писатель, историк религий и исследователь мифологии.

²⁰ **История веры и религиозных идей**. В 3-х томах. *Мирча Элиаде*
История веры и религиозных идей. Том I. От каменного века до Элевсинских мистерий.

История веры и религиозных идей. Том II. От Гаутамы Будды до триумфа христианства.

История веры и религиозных идей. Том III. От Магомета до реформации

обрезать? Обрезание - любимый национальный спорт в этой стране. По-русски я еще не видел. Но думаю, будет хорошо. Я знаю просто человека, который был научным редактором этой книги, – Володя, Владимир Яковлевич Петрухин²¹, очень хороший человек и очень авторитетный ученый, поэтому я знаю, что будет хорошо. Так вот, Элиаде, возвращаясь к нашей мысли, полагает, что это люди придумали богов. Примем такую точку зрения. Но ведь люди придумывают разных богов. Очень разных. Некоторые придумывают совершенно кротких. Некоторые придумывают богов, которые умирают за людей. Согласитесь, это колоссальная придумка, которая очень возвышает людей. А вот какое воображение блудливое и действительно извращенное придумало таких кровожадных и чудовищных богов, которые только лакают кровь, как ягуары, и жрут человеческие сердца? Видимо, что-то говорит об этом народе, разве нет? Если Элиаде прав, ацтекская религия предстает, как и инкская, в очень мрачном свете.

Студентка: Зато насколько было удобно управлять массой.

²¹ **Владимир Яковлевич Петрухин** (род. 25 июля 1950) — советский и российский историк. Доктор исторических наук (1994), профессор кафедры отечественной истории древнего мира и средних веков факультета архивного дела Историко-архивного института, РГГУ

Мацих: Массой не менее удобно управлять, например, при буддизме, но при этом никто никого не режет на жертвеннике. И вообще, они режут друг друга по минимуму. Однако при буддийской пассивности и при индуистской расположенности огромными, миллиардными массами людей управляют не менее успешно, но без подобных эксцессов. Далекое не все в религии сделано для того, чтобы массами управлять. Религия складывается из более сложных вещей, мне кажется. Мне кажется, она говорит о ментальности народа. Я вам говорил, что никакой ментальности нет, а душа всякого народа это его религия. Душа всякого народа – его религия. Вот, индийцы такие. Они придумали свою систему колеса сансары – перерождения, буддизм миролюбивый и равнодушный. Китайцы придумали свою жесткую конфуцианскую систему. Греки придумали такое вот хитрое, на основе еврейского христианства, свое, очень своеобразное, православие. А русские придумали еще более своеобразное православие на его фоне. И это говорит о характере, разве нет?

Но ацтеки придумали вот такую религию, и это очень многое говорит о них. Поэтому их трудно пожалеть. Их трудно пожалеть... При том, что Кортес, конечно, авантюрист и жадина, и обманщик, и негодяй... Кстати, он женился на Марине, Ксюша, это для вас. Я ждал, что вы

будете реагировать на это. Он не бросил ее, Ксюша! Правда, он потом женился и на испанке тоже, но это дело житейское. Но он не бросил ее, не отдал на растерзание, а женился, и дети у них были. Вот такие вот дела.

При всех эксцессах экспедиции Кортеса и Писарро, нельзя не сказать – эти цивилизации были обречены. Они сами ели себя изнутри, они выедали собственные внутренности, не замечая этого. И когда они приносили свои кровавые жертвы, они не понимали – это они у собственной цивилизации выедают внутренности. Они были пустые, гнилые изнутри. И от толчка ста пятидесяти человек эта внешне несокрушимая штука сразу рухнула. Чрезмерная жестокость и представление о боге, как о силе, которая все время требует жертв, вещь чрезвычайно опасная. Это нужно помнить тем людям, которые сейчас командуют исламом. Представление о том, что бог, якобы, требует только жертв и жертв проклятых неверных, в конце концов, сгубит их самих. Они захлебнутся в той желчи и ядовитой слюне, которую они сами исторгают. История ацтеков в этом плане очень поучительна.

Какие у вас вопросы, братья и сестры?

Студентка: Как соотносится и как характеризует цивилизацию то, что они строили такие храмы?

Мацих: Никак, мой дорогой. Если вы помните, я вам в самом начале говорил. Как, напомните, зовут вас?

Студентка: Яна.

Мацих: Яночка, не знаю я. И люди, куда умней, чем я. Мы не знаем, почему. Строительный гений, и организационный гений, и математический, и астрономический сочетался странным образом с чудовищной людоедской жестокостью и с очень странными представлениями о богах и о миропорядке. Вот это жило в них рядом. Ну что вам сказать? Мы не знаем, почему.

Студентка: Вы говорите, у них не было письменности, а откуда такие красочные подробности, которые вы сейчас рассказываете?

Мацих: Они рассказывали.

Студентка: Из уст в уста передают?

Мацих: Из уст в уста.

Студентка: По испорченному телефону?

Студентка: Испанцы описали очень много.

Мацих: Писал Кортес... Почему испорченный? Из уст в уста, если ничего сознательно не исказить, можно передать достаточно много. Текст можно истолковать тоже очень по-разному. И будет телефон в тысячу раз более испорченный. Истории интерпретаций текстов об этом очень хорошо говорят. Традиция «из уст в уста» существует тысячи лет до изобретения письменности и никто не жаловался. Знания благодаря этому и сохранялись.

Письменности у них не было, ни у инков (тем более у инков!), ни у ацтеков, но откуда мы знаем? Они рассказывали и Кортесу во время его экспедиции. Они рассказывали католическим священникам, миссионерам, которые сразу приехали. Они рассказывали Бартоломео де Лас Касасу, и он очень много написал. У него есть труд об истории двух Индий – огромное сочинение, которое до сих пор... Ну, вы понимаете, две Индии - он принимал Америку за Индию. Это сочинение до сих пор главный источник информации о верованиях ацтеков. Там было много образованных испанцев. В основном, испанцев. Были португальцы, но их было меньше. Это были люди, некоторые с совершенно ужасным инквизиторским пылом, но со склонностью к науке. У католического духовенства образованность была же в тысячу раз выше, чем у любого другого. Это давно известный факт. Католические священники могли сочетать яркий фанатизм с исключительной образованностью и научным любопытством. Они составляли описи, они шастали по джунглям, они расспрашивали, они писали, составляли грамматику языка нахуатль. В этом плане индейцам Южной Америки, Центральной, в чем-то больше повезло. И так мы о них и узнали – от испанцев. Письменности никакой не было. Если бы была письменность, это бы очень облегчило [изучение их культуры].

Студентка: Там картинки еще остались.

Мацих: Картинки и каменные скульптуры, и каменные сооружения, но надо их истолковать. Например, уже тогда на языке майя никто не говорил.

Студентка 1: Ну, можно истолковать и крест, не всех же прибывают к кресту, например.

Мацих: Как мне понимать эту вашу фразу?

Студентка 1: Вы говорите, сохранились картинки с жертвоприношениями. Сохранилась куча крестов с прибитым человеком...

Студентка 2: Почему? Нам показывали, как жрецы разрезают человека, по-другому это не истолкуешь.

Студентка 1: Но это не значит, что их каждый день сотнями резали.

Студентка 3: Есть же очевидцы – испанцы, которые их завоевали.

Студентка 4: Да какая разница, а?

Мацих: Для вас нет, а девушка спрашивает. Тогда вы должны помнить, что я вам сказал несколько раз: испанцы этим живо интересовались. Часть из этих событий происходила на их глазах. Про другое им рассказывали. Это вызывало у них интерес, все записывалось. Причем тут – истолковать крест? Люди видели. И сами индейцы не делали из этого никакого секрета, им казалось это совершенно нормальным, естественным событием. И они

рассказывали, как рисунки надо толковать, что это – жертвоприношение. Они рассказывали, по сколько человек требовалось для утреннего и для вечернего жертвоприношения. Ничего ужасного они в этом не видели. Не усматривали. И они рассказывали, а испанцы записывали. Я не понимаю, что вас, собственно говоря, смущает? Таким образом мы и узнали о них. А то, какая была их религия, я думаю, ни у кого никаких сомнений не может быть после всего сказанного. Если вас мой рассказ не удовлетворяет, поинтересуйтесь насчет религии ацтеков. Ее все описывают совершенно однозначно. И тут сомнений быть не может.

Есть еще вопросы?

Разрыв лекции. Далее идет разговор о наборе группы на тренинг по каббале. В группе необходим был определенный гендерный баланс.

Мацих: Надо же и мужичков. Подруга-то что, подругу и я приведу...

Студентка: Где ж взять-то их?

Мацих: Так это вы у меня спрашиваете?

Студентка: У вас!

Мацих: Я вам могу сказать, где берут барышень-красавиц. Это я понимаю.

Студент: Почему, например, женщин... девушек больше? Значит, они более любопытные?

Мацих: Им все интересно. Мужики – это инертные, гнусные твари. Ленивые. Кроме присутствующих. Посмотрите везде: в театре, в музее, в галерее, на тренинге – везде одни девки, одни красавицы.

Студентка: У меня в связи с этим вопрос, который постоянно назревает, но я забываю об этом, сегодня я опять вспомнила. Такой глобальный вопрос. Почему изначально мы живем все-таки в мужской цивилизации, патриархате? Есть какая-то первопричина, такая, глобальная? Был же матриархат, насколько я знаю.

Мацих: Формы хозяйствования, которые стали главными, требуют мужских качеств. Матриархат был при собирательстве и при первоначальном рыболовстве. Когда главным было собирательство, тут женщина аккуратней, она больше соберет и она обязательно соберет.

Студентка: Четыре тысячелетия, наверное, назад, да?

Мацих: Ну, что-то такое. Все очень условно. А, нет, раньше, видимо. Потом, когда охота стала главной, земледельческий и скотоводческий труд, то, конечно, здесь мужские качества ценились: сила, ловкость, решительность. Женщина физически не может: она беременна, она вынашивает, она рождает. И физически она слабее и трусливее, в основном, чем мужик. Мужик, благодаря своим делам, не отступит перед мамонтом.

Женщина боится больше. Качества, которые нужны на охоте и на войне за угоды...

Студентка: Завоевание территории?

Мацих: Да. Это мужские качества, и мужчина стал главным.

Студентка: Ну а дальше и повелось...

Студент: А как же искусство, та же религия, везде большинство мужчин... художники, поэты, писатели. Где взяли, что женщин больше, чем мужчин?

Мацих: Ни в одной области. Но сейчас все изменилось.

Студентка: У нас уже матриархат, я так понимаю, начинается?

Мацих: Отвоевывают. Матриархата нет, но женщины отвоевывают.

Студент: Нет, ну в какой области стало больше женщин? В искусстве стало больше женщин? В науке?

Мацих: В науке – однозначно, во всех областях. В искусстве...

Студент: Хорошо, сколько лауреатов Нобелевской премии женщины?

Мацих: Это не критерий, это ж субъективно. Вы спросите, сколько женщин занимается наукой? Можно ли себе представить, какой-нибудь НИИ, хоть на западе...

Студент: Где во главе стоит женщина?

Мацих: Во-первых, лично руководят реально и, во-вторых, без них не делается ничего. Даже, если руководят по-прежнему мужики, скажем так, генералы, то офицеры уже сплошные женщины. Но для каких-то процессов это очень хреново. Для религии это смерть. То есть с момента, когда женщины заменят мужчин в религии, будет конец. Вообще, полная победа матриархата означает смерть человечества. Гейдар Джемаль²², есть такой большой чудаки из Макдональдса, большого ума... Он же говорит, что такое война ислама против запада – это война мужского против женского, что победа женского – это победа хамства. Он так предлагает трактовать. Если женщина вытеснит мужчин опять, то – все, миру конец.

Студентка: А основная причина такого понимания?

Мацих: Ну, смотрите. Женщина – существо конкретное, материалистическое, земное. Эти все сказки о духовности – это ж поэтический миф. Женщине нужно зачать, родить, выкормить. И при фразе типа: «Поедем открывать новые страны!», «Давай придумаем теорию!», «Давай уйдем в монастырь, будем служить богу!», – женщина скажет: «Минуту, а как же Павлик маленький? А надо платить за электричество. А как это?...» Она практически подходит. И, поэтому все абстракции, которые вдохновляют мужиков:

²² [Гейдар Джахидович Джемаль](#) ([азерб.](#) *Cəmal Heydər Cahid oğlu* (6 ноября 1947, Москва) — [российский исламский](#) и общественный деятель, философ-окультист^[1]). Председатель [Исламского комитета России](#);

религия, Родина, идея, открытие дальних стран, деньги, в конце концов, тоже как триумф, – это для женщины все менее значимо, чем конкретные дела, ее конкретный ребенок, ее родители. Мужик бросит все при прочих условиях, а женщина нет. Но и самое главное, конечно, что женщина – мать, это никуда не денешь, какая бы она ни была там успешная. Религия вся на абстракции держится, она вся требует самоотречения. Если женщины станут священнослужителями, это будет полная замена материальным духовного, вещественное заменит абстрактное, конкретное заменит метафизическое, то есть это будет крах системы. А это уже сплошь и рядом.

Студентка: Мне кажется, это будет, но не скоро. Не в этой жизни даже.

Студент: Мне кажется, это бессознательно происходит. Или это можно делать сознательно?

Мацих: А потому что мужики не идут на эти посты. Раньше как-то рекрутировали хоть каких-то мужиков, а сейчас религии нужно самовоспроизводиться, а нету мужиков. Их просто нет. В иудаизме реформисты и консерваторы разрешили женщинам [быть раввинами]... Как только они разрешили, 20, 40, сейчас 60... Понятно, что через какое-то время будет 100 %. Точно так же в американской церкви. Поэтому могучий католицизм с православием стоят насмерть. И это правильно. В

протестантских разрешили, и там уже мужик – большая редкость. Среди реформистских раввинов, собственно, сейчас 30 % мужиков и 70 % женщин. Хорошо ли это? Хрен его знает, что тогда будет с иудаизмом. Такие дела.

Как там буддизм будет реагировать на это, посмотрим. Но разложение традиционных религий уже началось. И это неизбежно.

В искусство что привнесет женщина? Какие-то вещи однозначно уйдут – вот Ерофеев – стебные, злобные, гнусные, «мимо лагерного штаба...» – это уйдет. Будет все такое лирическое совершенно. То есть, по определению, женщина не будет так рисовать, писать, изображать, как мужик. То есть брутальность, мерзость, пенетрация²³ – это ей не свойственно, она иное существо. Каким будет искусство, трудно даже себе представить.

Наука, я думаю, сильно не изменится, потому что они будут то же самое открывать. Тот же бизнес... А вот военное дело, мне кажется, станет более жестоким. Чем больше будут командовать бабы, тем больше они будут жесткими...

Студентка: Я, наоборот, думаю, что войн не будет, если женщины будут командовать. Она же мать. Она не будет убивать.

²³ **пенетрация** — проникновение, пронизательность. Словарь русских синонимов.

Мацих: Ой, я вас умоляю! Она мать – дома! Войны же возникают не из-за того, что мужчины такие страшно жестокие. А из-за ущемленных интересов...

Студент: Она даже может не оценить масштабы разрушения. Может скомандовать в бой, а чем это закончится, она может даже не подумать...

Мацих: Нет, она анализирует... Женщине, я думаю, не так будет жалко, как мужчине. Ну и, кроме того, для нее всегда будет комплекс, чтоб не сказали, что баба обосралась. «Так вот, две дивизии вперед!». Там, где мужик скажет: «Нет, я жалел солдата», тут будет всегда дозвонить... Поэтому в американской армии, например, они отмечают: там, где приказы отдает женщина, всегда гораздо жестче. В израильской... Там, где они реально командуют. Но они и там допускаются до определенных постов. В израильской армии генералов-женщин нет, есть, условно, как у нас – полковники, но это тоже не мало. То же самое в полиции, в жандармерии... Разгонять демонстрацию. Как ведет себя ментовский полковник-мужик и женщина? Женщина, конечно, сразу смотрит на жесткие, крайние меры. Разогнать нахрен! Водометы, газ, рассечь толпу, бить дубинами... Там, где мужик скажет: «Ну, попробуйте еще поговорить, вышлите каких-то людей вперед, поугайте их щитами...». Баба сразу – вжик! Вот такие дела.

Так что идеализировать я бы не советовал моих любимых существ. Никак.

Студентка: Согласна. Нет, их можно идеализировать. Но мужчины должны, как у нас пока еще происходит, хотя уже, по-моему, и не происходит, на женщину работать, в глобальном смысле. А женщина должна пользоваться плодами... И их вдохновлять.

Мацих: Да как сказать? И это тоже, наверное, не идеал, потому что все равно тогда они будут жаловаться на угнетение. Трудно сказать, как хорошо. Из одной точки крайней в другую маятник качается. Сначала он был в одной, и, однозначно, крайней. Сейчас он идет в другую – там тоже плохо. Когда он качнется в середину, там можно еще подумать. Но пока, конечно, явный перекося, потому что бабы везде. К хорошему это не приводит. Мужики задавлены. На них, в общем-то, сами же женщины и жалуются. А где ж взять мужиков, когда женщина все решает? Инфантильность полная, тем более в русских семьях. Мать его выращивает одна, он вырастает абсолютным маменькиным сыночком. Потом его девка удивляется, в кого он такой вырос при такой чудесной маме?

Студентка: Все верно.

Мацих: Ну, вот такие дела.

